

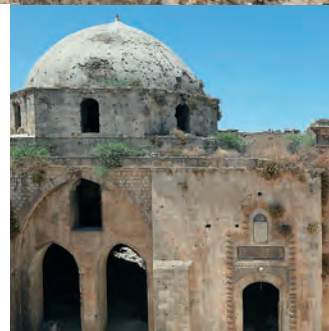
СОХРАНЯЯ РОССИЙСКОЕ И МИРОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

2024

165 лет
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

1859

PRESERVING RUSSIAN AND WORLD CULTURAL HERITAGE

165 years
of the Imperial
Archaeological
Commission

2024

165 лет
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

1859

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY
OF MATERIAL CULTURE

STATE HERMITAGE

PRESERVING RUSSIAN AND WORLD CULTURAL HERITAGE

165 years
OF THE IMPERIAL
ARCHAEOLOGICAL
COMMISSION

Saint Petersburg
2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

СОХРАНЯЯ РОССИЙСКОЕ И МИРОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

165 лет
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

Санкт-Петербург
2024

УДК 902/904
ББК 63.4 (2)

Утверждено Учёным советом ИИМК РАН

Approved for print by the Academic Council of the IHMC RAS

Ред. коллегия:

М. Б. Пиотровский, А. В. Поляков, Н. Ф. Соловьёва, С. А. Васильев (отв. ред.)

Рецензенты:

д. и. н. И. Л. Тихонов (СПбГУ), д. и. н. Н. И. Платонова (ИИМК РАН)

Editorial Board:

Mikhail B. Piotovskiy, Andrey V. Polyakov, Natalia F. Solovieva,
Sergey A. Vasiliev (executive editor)

Reviewers:

Irog' L. Tikhonov, Dr. of Hist. Sci. (St. Petersburg State University),
Nadezhda I. Platonova, Dr. of Hist. Sci. (IHMC RAS)

СОХРАНЯЯ РОССИЙСКОЕ И МИРОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ:

С68 **165 лет Императорской археологической комиссии / Отв. ред.: С. А. Васильев. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2024. — 128 с.: ил.**

PRESERVING RUSSIAN AND WORLD CULTURAL HERITAGE:

165 years of the Imperial Archaeological Commission /

Ed. by Sergey A. Vasiliev (executive editor). — St. Petersburg:

Institute for the History of Material Culture RAS, 2024. — 128 p.: ill.

ISBN: 978-5-6050962-1-4

DOI: 10.31600/978-5-6050962-1-4

В 2024 г. отмечается юбилей Императорской археологической комиссии, созданной указом императора Александра II, преемником которой является Институт истории материальной культуры РАН. В альбоме представлены краткие результаты исследований Комиссии по сохранению памятников культурного наследия, а также работы ИИМК РАН на современном этапе в России и Сирии по спасению и изучению объектов истории и археологии. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

In 2024, the anniversary of the Imperial Archaeological Commission, established by decree of Emperor Alexander II, is celebrated, the successor of which is the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. The album presents brief research results of the Commission for the Preservation of Cultural Heritage Sites, as well as the investigations of the IHMC RAS at the present stage in Russia and Syria on the rescue and research of historical and archaeological sites. The publication is intended for a wide range of readers.

- © Институт истории материальной культуры РАН, 2024
- © Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 2024
- © Государственный Эрмитаж, 2024
- © The State Hermitage Museum, 2024
- © Авторы статей, 2024
- © Authors of the papers, 2024

Содержание

Content

ПРЕДИСЛОВИЕ А. В. Поляков, Н. Ф. Соловьёва, М. В. Медведева	6	
	7	FOREWORD Andrey V. Polyakov, Maria V. Medvedeva, Natalia F. Solovieva
Ю. А. Виноградов Н. П. Кондаков и Императорская археологическая комиссия	15	Yuriy A. Vinogradov NIKODIM PAVLOVICH KONDAKOV AND THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION
В. А. Горончаровский Императорская археологическая комиссия и сохранение памятников античного культурного наследия Боспора Киммерийского	27	Vladimir A. Goroncharovsky THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION AND CONSERVATION OF THE ANCIENT CULTURAL HERITAGE OF CIMMERIAN BOSPORUS
Н. Ф. Соловьёва, С. Л. Соловьёв Южный пригород Херсонеса Таврического. Итоги археологических раскопок в 2021–2023 гг.	41	Natalia F. Solovieva, Sergey L. Soloviev SOUTHERN SUBURB OF TAURIC CHERSONESOS. RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN 2021–2023
Н. Ф. Соловьёва Реставрация Триумфальной Арки Пальмиры	53	Natalia F. Solovieva RESTORATION OF THE TRIUMPHAL ARCH OF PALMYRA
М. В. Медведева Исследования Императорской археологической комиссии в Армении. Анийский проект	69	Maria V. Medvedeva RESEARCH OF THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION IN ARMENIA. ANI PROJECT
Е. В. Беляева Вклад Армяно-Российской экспедиции в изучение первоначального заселения Южного Кавказа в раннем палеолите	83	Elena V. Belyaeva CONTRIBUTION OF THE ARMENIAN-RUSSIAN EXPEDITION TO THE STUDY OF THE INITIAL OCCUPATION OF THE SOUTH CAUCASUS IN THE EARLY PALEOLITHIC
Е. К. Блохин, А. Ю. Виноградов, Н. Ф. Соловьёва Спасение раннехристианских храмов Сирии	95	Egor K. Blokhin, Andrey Yu. Vinogradov, Natalia F. Solovieva RESCUE DOCUMENTATION OF EARLY CHRISTIAN CHURCHES OF SYRIA
Д. Д. Ёлшин, К. А. Михайлов Изучение древнерусской архитектуры в советский период и ленинградская школа архитектурной археологии	113	Denis D. Jolshin, Kirill A. Mikhailov RESEARCH OF OLD RUSSIAN ARCHITECTURE IN THE SOVIET PERIOD AND LENINGRAD SCHOOL OF ARCHITECTURAL ARCHAEOLOGY
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	126	
	127	LIST OF ABBREVIATIONS

В 2024 г. мы отмечаем юбилей Императорской археологической комиссии, основанной 2 (15) февраля 1859 г. указом императора Александра II. На протяжении второй половины XIX и в начале XX в., будучи подразделением Министерства Императорского двора, ИАК являлась единственным государственным научным учреждением России, выполнявшим миссию исследования, собирания и охраны археологических памятников. Создание комиссии было частью «великих либеральных реформ» и отражало осознание российским обществом национальных древностей как предмета гордости, требующего сохранения, изучения и заботливого к себе отношения.

11 марта 1889 г. император Александр III своим указом закрепил исключительное положение Императорской археологической комиссии, предоставив учреждению право производства и выдачи персональных разрешений (Открытых листов) на проведение раскопок на государственных и общественных землях. В период 1890–1914 гг. Археологическая комиссия ежегодно финансировала до двадцати экспедиций более чем в пятнадцати губерниях и областях Российской империи. Выполнялись масштабные раскопки античных памятников Керчи, Херсонеса, Тамани и Ольвии; исследовались «царские курганы» скифов, древнерусские могильники и погребения средневековых кочевников Сибири, христианское зодчество и мечети Средней Азии; изучались предметы пермского звериного стиля, клады и случайные находки, в большом количестве поступавшие в ИАК. К моменту революционных преобразований Императорская археологическая комиссия превратилась в мощный академический центр.

Сотрудники ИАК активно участвовали в разработке законодательства по охране памятников культуры Российской империи и способствовали принятию действенных мер к их охране на практике, осуществляя спасательные раскопки во время строительных работ и активно взаимодействуя с местными научными организациями. Значительна роль ИАК и в формировании российской школы реставрации, когда в процессе обсуждения проектов ремонтов зданий гражданской и церковной архитектуры вырабатывались нормы и методические правила архитектурно-археологических и реставрационных изысканий. Сложившаяся в процессе деятельности ИАК практика централизованной выдачи разрешений на археологические исследования с последующим предоставлением отчётной документации легла в основу современной регламентации археологических работ и системы охраны историко-культурных памятников в России. Собранный Комиссией архив и изданные ею публикации являются бесценным вкладом в изучение и охрану памятников древности не только в России, но и во многих странах Восточной Европы и Азии.

Институт истории материальной культуры РАН является прямым правопреемником Императорской археологической комиссии и бережно поддерживает сложившиеся за прошедшие 165 лет традиции. Проводится кропотливое изучение накопленных архивных материалов и активно публикуются не вышедшие в своё время в свет источники и рукописи, не утратившие свою научную актуальность. Сохраняется память о многих поколениях исследователей, посвятивших свою жизнь археологическим работам.

Вместе с тем в стенах Института эффективно реализуются новые современные подходы в деле исследования и сохранения мирового археологического

**ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.**

**ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ**

IN 2024 WE WILL CELEBRATE THE ANNIVERSARY OF THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION FOUNDED ON 2 (15) FEBRUARY 1859 BY THE DECREE OF EMPEROR ALEXANDER II. DURING THE SECOND HALF OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES, AS A SUBDIVISION OF THE MINISTRY OF THE IMPERIAL COURT, THE IAC WAS THE ONLY STATE SCIENTIFIC INSTITUTION IN RUSSIA CARRYING OUT THE MISSION OF RESEARCHING, COLLECTING AND PROTECTING ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS. THE CREATION OF THE COMMISSION WAS PART OF THE “GREAT LIBERAL REFORMS” AND REFLECTED THE RUSSIAN SOCIETY’S REALIZATION OF NATIONAL ANTIQUITIES AS A SOURCE OF PRIDE REQUIRING PRESERVATION, STUDY AND CARING ATTITUDE.

By his decree on 11 March 1889, Emperor Alexander III secured the exclusive position of the Imperial Archaeological Commission, granting the right to produce and issue personal permits (Permits for Archaeological Excavations and Surveys) for excavations on state and public lands to the institution. In the period of 1890–1914, the Archaeological Commission annually financed up to twenty expeditions in more than fifteen provinces and regions of the Russian Empire. Large-scale excavations of ancient monuments of Kerch, Chersonesos, Taman and Olbia were carried out; the “tsar’s mounds” of the Scythians, Old Russian burial grounds and burials of medieval nomads of Siberia, Christian architecture and mosques of Central Asia were studied; objects of the Permian animal style, hoards and chance finds received by the IAC in large quantities were studied. By the time of the revolutionary transformations, the Imperial Archaeological Commission had become a powerful academic center.

The IAC staff members actively participated in the development of the legislation on the protection of cultural monuments of the Russian Empire and contributed to the adoption of effective practical measures for their preservation, carrying out rescue excavations during construction work and actively cooperating with local scientific organizations. The IAC also played a significant role in the formation of the Russian school of restoration, when norms and methodological rules of architectural, archaeological and restoration surveys were developed in the process of discussing the repair projects for civil and church architecture buildings. The practice of centralized issuance of permits for archaeological research with subsequent submission of reporting documentation, established in the course of the IAC’s activities, formed the basis for the present regulation of archaeological work and the system of protection of historical and cultural monuments in Russia. The archive collected by the Commission and its publications are an invaluable contribution to the study and protection of antiquities both in Russia and in many countries of Eastern Europe and Asia.

The Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences is the direct successor of the Imperial Archaeological Commission and carefully maintains the traditions established over the past 165 years. The accumulated archival materials are meticulously studied, and sources and manuscripts that were not published in their time and have not lost their scientific relevance are actively published. The memory of many generations of researchers who devoted their lives to archaeological research is preserved.

At the same time, the Institute effectively implements new modern approaches to the research and preservation of the world’s archaeological and historical-cultural heritage. The IHMC RAS is one of the leading institutes developing state-of-the-art digital methods, such as geographical information systems, 3D modelling of individual artefacts and huge monuments, and a project to develop a neural network for the recognition of archaeological artefacts is being actively developed. It is our Institute that provides scientific management and

и историко-культурного наследия. ИИМК РАН является одним из передовых институтов, развивающих самые современные цифровые методы, такие как геоинформационные системы, 3D-моделирование отдельных артефактов и огромных памятников, активно развивается проект по разработке нейросети для распознавания археологических артефактов. Именно наш Институт осуществляет научное руководство и координацию огромного университетско-академического консорциума «Культурный код», объединяющего 19 университетов и 3 научно-исследовательских института в деле разработки и внедрения современных цифровых методов в археологии.

ИИМК РАН является одним из ведущих научных учреждений страны. Ежегодно его сотрудниками публикуется свыше 400 научных статей и несколько десятков монографий и сборников, подготовленных на самом высоком академическом уровне. С целью координации научной деятельности ежегодно проводится более 10 различных конференций и семинаров, на которые приезжают учёные из всех уголков России и из-за рубежа. Функционируют постоянно действующие научные экспедиции, изучающие самые выдающиеся памятники древней истории нашей страны (Костёнки, Старая Ладога, Рюриково Городище и многие другие). Постоянно развиваются международные контакты, позволяющие реализовывать международные проекты и экспедиции совместно с археологами Китая, Монголии, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Азербайджана, Беларуси, Сирии и других стран.

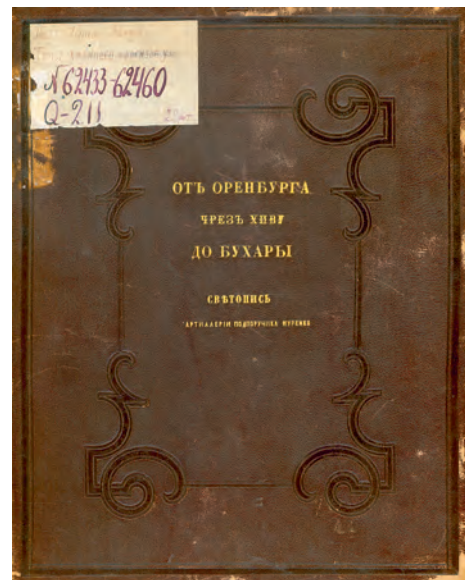
Институт ведёт обширную не только научную, но и охранно-спасательную деятельность. Огромные экспедиции ежегодно проводят работы по сохранению десятков археологических памятников на территории Санкт-Петербурга, Ленинградской, Тверской, Калининградской, Мурманской и других областей, в Крыму, на Тамани, в Краснодарском крае и на территории Южной Сибири.

В 2021–2023 гг. ИИМК РАН провёл самые масштабные археологические исследования в границах выявленного объекта археологического наследия «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический» в рамках проектируемого в Севастополе историко-археологического парка. В состав участников грандиозного археологического проекта вошли Государственный Эрмитаж, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Институт археологии Крыма РАН, Севастопольский государственный университет и НАО «Наследие Кубани». Исходя из опыта работ, такие исследования должны были занять десятилетия, однако профессиональный коллектив специалистов использовал наработанные им методики раскопок и цифровой фиксации, позволившие провести эти уникальные масштабные исследования в рекордно сжатые сроки на высоком методическом уровне, сохранив максимум информации для науки. Количество, качество и научные результаты проводимых работ не сопоставимы ни с одним другим проектом в мировой практике.

Общая площадь археологических исследований составила более 85 тысяч кв. м.

За время археологических раскопок в Южном пригороде Херсонеса было найдено более 5 млн артефактов, в полной мере отражающих многовековую историю этого участка древнего города. Около 500 тысяч археологических находок пополняют фонды Херсонесского музея-заповедника.

И это были не просто археологические раскопки. Уникальные объекты, безусловно требующие сохранения и экспонирования (героон, храм в антах, комплекс храмовых построек, коллективная гробница-колумбарий с прилегающими индивидуальными гробницами, толос и плитовая могила), обнаружены ниже уровня моря, что не позволяло сохранить их *in situ* и потребовало разработки новой

coordination of the huge Cultural Code university-academic consortium uniting 19 universities and 3 research institutes in the development and implementation of modern digital methods in archaeology.

The IHMC RAS is one of the leading scientific institutions of the country. Its staff members annually publish over 400 scientific articles and several dozens of monographs and collections prepared at the highest academic level. In order to coordinate scientific activities, more than 10 different conferences and seminars attended by scientists from all over Russia and abroad are held annually. There are permanent scientific expeditions studying the most outstanding monuments of the ancient history of our country (Kostyonki, Staraya Ladoga, Rurikovo Gorodishche and many others). International contacts are constantly developing, allowing implementation of international projects and expeditions jointly with archaeologists from China, Mongolia, Kazakhstan, Tajikistan, Turkmenistan, Azerbaijan, Belarus, Syria and other countries.

The Institute conducts extensive both scientific and conservation and rescue activities. Large expeditions annually carry out conservation work on dozens of archaeological monuments in St. Petersburg, Leningrad region, Tver region, Kaliningrad region, Murmansk region and other regions, in Crimea, Taman, Krasnodar Krai and Southern Siberia.

In 2021–2023, the IHMC RAS conducted the most large-scale archaeological research within the boundaries of the identified archaeological heritage site “Southern suburb of the ancient city of Tauric Chersonesos” within the framework of the historical and archaeological park being designed in Sevastopol. The participants of the grand archaeological project included the State Hermitage Museum, the Tauric Chersonesos State Historical and Archaeological Museum-Reserve, the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Sevastopol State University and Heritage of Kuban NJSC. Based on the experience of the work, such research should have taken decades; however, the professional team of the specialists used their tried and tested methods of excavation and digital fixation which allowed conducting this unique large-scale research within record-short time at a high methodological level, preserving the maximum information for science. The quantity, quality and scientific results of the work carried out are not comparable to any other project in the world practice.

The total area of the archaeological research was more than 85,000 square meters. Over the period of the archaeological excavations in the Southern Suburb of Chersonesos, more than 5,000,000 artefacts were found, fully reflecting the centuries-old history of this section of the ancient city. About 500,000 archaeological finds will be added to the funds of the Chersonesos Museum-Reserve.

And these were not just archaeological excavations. The unique objects which undoubtedly require preservation and display (the heroon, the temple in the antae, the complex of temple buildings, the collective tomb-columbarium with adjacent individual tombs, the tholos and slab grave) were discovered below the sea level, which did not allow their in situ preservation and required the development of a new methodology at the intersection of archaeology, architecture and restoration with the use of IT-technologies which would allow the preservation and display of these objects. As a conservation measure, it was decided to dismantle all the elements, transport them to a special storage facility, carry out conservation with elements of restoration of all elements and subsequently install them by anastylosis in the territory of the newly created archaeological park of the museum.

методики на стыке археологии, архитектуры и реставрации с использованием IT-технологий, которая позволила бы сохранить и экспонировать эти объекты. В качестве меры по сохранению было решено разобрать, перевезти в специальное хранилище, провести консервацию с элементами реставрации всех артефактов и впоследствии методом анастилоза установить объекты на территории вновь созданного археологического парка музея.

В последние годы ИИМК РАН вновь обратился к своим истокам и по примеру ИАК занялся вопросами сохранения мировых архитектурных памятников.

Трагедия Сирийской гражданской войны разрушительной волной прокатилась по культурному наследию человечества. Вооружённые дикари стёрли с лица земли выдающиеся памятники древности, по праву считающиеся фундаментом нашей цивилизации.

Пальмира, один из шести объектов всемирного наследия ЮНЕСКО в Сирии, с середины мая 2015 г. находилась под контролем террористов, которые целенаправленно уничтожили наиболее значимые объекты древней архитектуры. Ответом на варварские действия стало появление целого ряда инициативных проектов по спасению Пальмиры. Одними из первых были российские специалисты. Сразу после освобождения Пальмиры Институт истории материальной культуры РАН выступил с инициативой создания 3D-модели современного состояния всей территории древней Пальмиры, которая фиксировала бы все разрушения и стала системой доказательств варварства боевиков.

К 2020 г. проект цифровизации всего древнего города «Пальмира во времени и пространстве» был завершён: построена 3D-модель современного состояния всей Пальмиры площадью 21 кв. км и создана геоинформационная система PalmyraGIS, включающая всю информацию о памятнике. Модель передана в дар Сирии и ЮНЕСКО. <https://palmyra-3d.online>

Особую печаль вызывают утраты, которые уже понесли и продолжают нести христианские древности, ведь именно на Сирийской земле происходило становление первых христианских общин, формировался архитектурный канон первых храмов, закладывались основы всей христианской культуры.

В 2021 г. ИИМК РАН предложил провести ширококомасштабную кампанию по мониторингу и фиксации состояния раннехристианских памятников, используя новейшие цифровые технологии. С этой целью коллектив учёных под руководством ИИМК РАН разработал проект по созданию уникального комплексного ресурса – Веб-ГИС «Раннехристианские храмы Сирии».

Проект носит абсолютно новаторский характер: до настоящего времени изучение раннехристианских памятников Сирии никогда не сопровождалось методами цифровой фиксации и 3D-моделированием, дающими самую объективную картину всех деталей памятника и его состояния и уже ставшими важным инструментом научного изучения, сохранения и популяризации объектов культурного наследия в других регионах. Подробную цифровую документацию дополняют результаты неразрушающих исследований: термографическое обследование объектов зафиксирует их техническое состояние, выявит процессы разрушения конструкций и проводившиеся ремонты; магнитометрическое обследование окружи позволит воссоздать архитектурно-строительную историю каждого памятника.

Итогом работы станет новый комплексный цифровой источник, включающий исчерпывающие сведения о раннехристианских памятниках региона, предоставляющий широкие возможности дистанционно проводить любые аналитические исследования (сравнительный анализ объектов и их элементов, обмеры, анализ

In the recent years, the IHMC RAS has once again turned to its roots and, following the example of the IAC, has taken up the issues of preserving the world's architectural monuments.

The tragedy of the Syrian civil war swept through the cultural heritage of the mankind like devastating wave. Armed savages wiped outstanding monuments of antiquity rightfully considered the foundation of our civilization from the face of the earth.

From mid-May 2015, Palmyra, one of the six UNESCO World Heritage sites in Syria, was under the control of terrorists who intentionally destroyed the most significant sites of ancient architecture. The response to the barbaric actions was the emergence of a number of initiative projects to save Palmyra. Russian specialists were among the first. Immediately after the liberation of Palmyra, the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (IHMC RAS) came forward with the initiative to create a 3D model of the current state of the entire territory of ancient Palmyra which would record all the destruction and become a system of evidence of the barbarity of the militants.

By 2020, the Palmyra in Time and Space project of digitalization of the entire ancient city was completed: a 3D model of the current state of the entire Palmyra covering an area of 21 sq. km was built and the PalmyraGIS geoinformation system, including all information about the monument, was created. The model was donated to Syria and UNESCO.
<https://palmyra-3d.online>

Especially saddening are the losses that Christian antiquities have already suffered and continue to suffer, since it was on the Syrian land that the first Christian communities were established, the canon of the architecture of the first temples was formed, and the foundations of the entire Christian culture were laid.

In 2021, the IHMC RAS proposed a large-scale campaign to monitor and record their condition using the latest digital technologies. To this end, a team of scientists directed by the IHMC RAS developed a project to create a unique comprehensive resource: the Early Christian Temples of Syria Web-GIS.

The project is absolutely innovative: until now, the study of early Christian monuments in Syria has never been accompanied by methods of digital fixation and 3D modelling which provide the most objective picture of all the details of the monument and its condition and have already become an important tool for the scientific study, preservation and promotion of cultural heritage sites in other regions. The detailed digital documentation will be supplemented by the results of non-destructive research: thermographic survey of the sites will record their technical condition, reveal the processes of destruction of the structures and the repairs carried out; the magnetometric survey of the surroundings will make it possible to recreate the architectural and construction history of each monument.

The result of the work will be a new complex digital source, including comprehensive data on the early Christian monuments of the region, providing wide opportunities to remotely conduct any analytical research (comparative analysis of sites and their elements, measurements, analysis of sites in the structure of the surrounding landscape or analysis of the position of elements in the structure of the temple, etc.) at the modern technological level and with a new degree of detail and accuracy. The data obtained will become a reliable basis for planning any further activities on the management of monuments of the world cultural heritage; will allow planning of the remedial work, restoration, protection of monuments and tourism.

объектов в структуре окружающего ландшафта или анализ положения элементов в структуре храма и пр.), на современном технологическом уровне и с новой степенью детализации и точности. Полученные данные станут надёжной основой для планирования любых дальнейших мероприятий по управлению памятниками мирового культурного наследия, позволят планировать восстановительные работы, реставрацию, охрану памятников и туризм.

Наиболее значимым проектом последних лет, получившим мировую известность, стали работы в рамках российско-сирийского договора о реставрации Триумфальной Арки Пальмиры в Сирии, взорванной террористами в октябре 2015 г. На сегодняшний день выполнены все мероприятия посттравматического реагирования и проведены раскопки, позволившие оценить состояние сохранившихся фундаментов. На основе полученных материалов разработан проект реставрации Арки, получивший самую высокую оценку экспертов ЮНЕСКО.

Работы, предпринятые для создания проекта и проведения реставрации Триумфальной Арки Пальмиры, продемонстрировали системный подход к её изучению с использованием всех доступных современных средств цифровых технологий. Получены существенные научные результаты, важные как для истории уникального памятника, так и для понимания общей картины архитектуры Восточного Средиземноморья в античную эпоху в целом.

Реставрация Триумфальной Арки Пальмиры – самый знаковый и амбициозный международный проект. Его качественное выполнение объединёнными усилиями России и Сирии навсегда останется в истории, поднимет престиж российской и сирийской науки и школ реставрации, а разработанные в процессе подготовки проекта научные подходы могут быть использованы при реставрации других объектов мирового культурного наследия.

Очередной юбилей ИАК позволяет нам с гордостью оглянуться назад и оценить пройденный ИИМК РАН путь и те достижения и результаты многих поколений учёных, которые дают основания гордиться отечественной археологической наукой. А затем взглянуть вперёд и поставить перед собой новые амбициозные цели и задачи, которые будут достойны стоять в одном ряду со свершениями наших предшественников.

А. В. Поляков, Н. Ф. Соловьёва, М. В. Медведева

The most significant project of the recent years which has gained worldwide fame was the work under the Russian-Syrian agreement on the restoration of the Triumphal Arch of Palmyra in Syria blown up by terrorists in October 2015. To date, all post-traumatic response measures have been completed and excavations have been carried out to assess the condition of the surviving foundations. Based on the materials obtained, a project for the restoration of the Arch has been developed which received the highest appraisal from UNESCO experts.

The work undertaken to create and restore Palmyra's Triumphal Arch has demonstrated a systematic approach to its study using all available modern means of digital technologies. Significant scientific results have been obtained that are important both for the history of the unique monument and for the understanding of the general picture of architecture of the Eastern Mediterranean in the ancient era as a whole.

The restoration of the Triumphal Arch of Palmyra is the most reference and ambitious international project. Its high-quality implementation by the joint efforts of Russia and Syria will remain in history forever, will raise the prestige of the Russian and Syrian science and restoration schools, and the scientific approaches developed in the process of the project preparation can be used in the restoration of other sites of the world cultural heritage.

THE NEXT ANNIVERSARY OF THE IAC ALLOWS US TO LOOK BACK WITH PRIDE AND EVALUATE THE PATH TRAVELED BY THE IHMC RAS AND THE ACHIEVEMENTS AND RESULTS OF MANY GENERATIONS OF SCIENTISTS WHICH ALLOW US TO BE PROUD OF THE NATIONAL ARCHAEOLOGICAL SCIENCE. AND THEN TO LOOK AHEAD AND SET NEW AMBITIOUS GOALS AND TASKS THAT WILL BE WORTHY TO STAND IN LINE WITH THE ACHIEVEMENTS OF OUR PREDECESSORS.

Andrey V. Polyakov, Natalia F. Solovieva, Maria V. Medvedeva

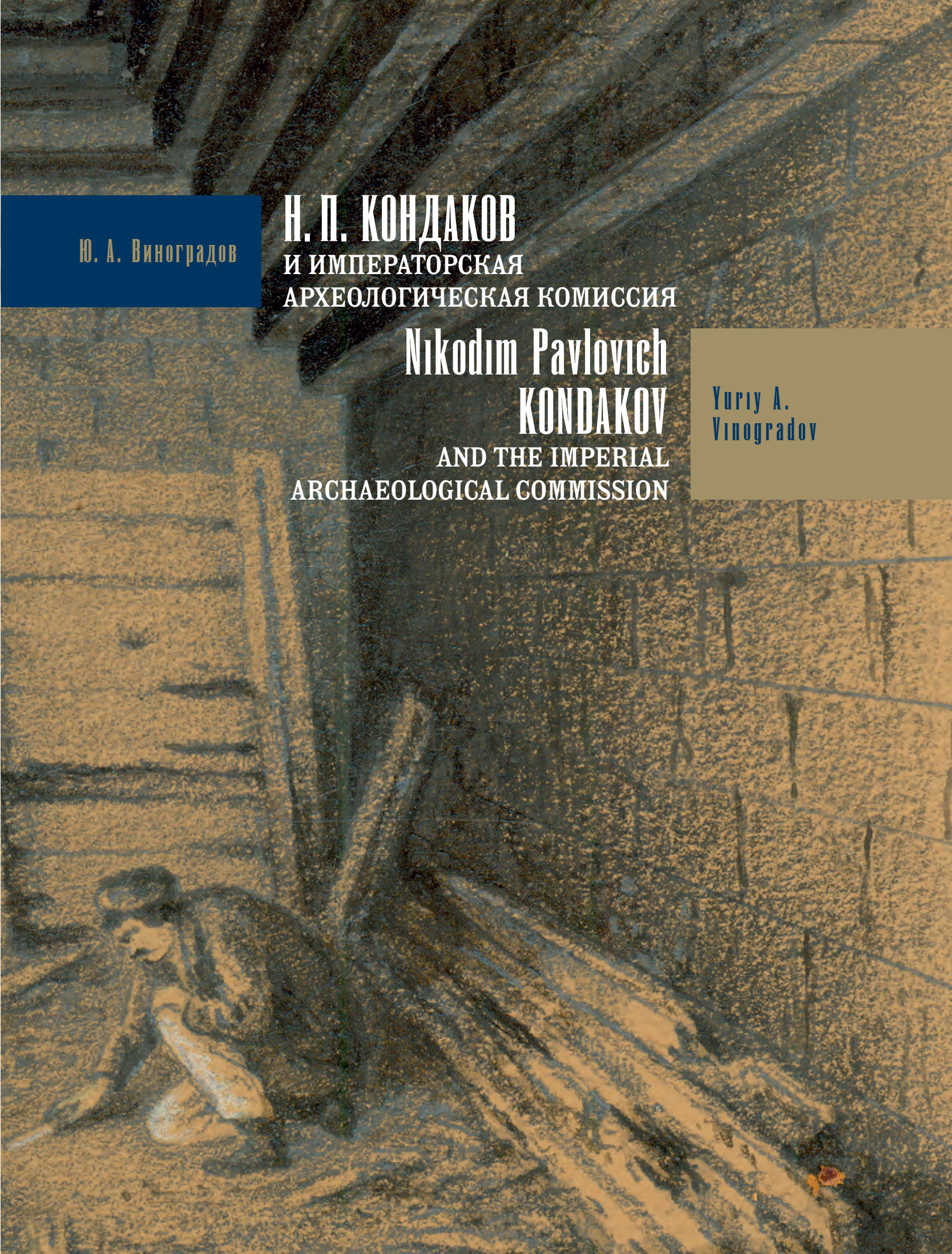

Ю. А. Виноградов

Н. П. КОНДАКОВ
И ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

Nikodim Pavlovich
KONDAKOV
AND THE IMPERIAL
ARCHAEOLOGICAL COMMISSION

Yuriy A.
Vinogradov

1.

Н. П. Кондаков (1844–1925).
Фотография, 1890-е гг.Nikodim Kondakov (1844–1925).
Photo, 1890-s

НИКОДИМ ПАВЛОВИЧ КОНДАКОВ (1844–1925) (рис. 1), 180-летие со дня рождения которого научная общественность нашей страны отмечает в 2024 г., в истории российской археологии занимает особое место. Он заслуженно считается выдающимся исследователем византийского и древнерусского искусства, одним из создателей отечественного византиноведения. Не так часто обращают внимание, что диапазон научных интересов Н. П. Кондакова был гораздо шире и его профессиональное становление в значительной степени было связано с глубоким изучением памятников классической культуры.

Получив высшее образование в Московском университете, Никодим Павлович вскоре получил предложение из Новороссийского университета занять первую в Российской империи кафедру по истории и теории искусства, открытую в 1870 г. Традиции изучения античной культуры в Одессе того времени были очень сильны, и не удивительно, что в статье 1872 г. Н. П. Кондаков доказывал необходимость для историка искусства изучать в качестве образца античное искусство со всеми его стилями и школами. Его магистерская диссертация, защищённая в Московском университете в декабре 1873 г., называлась «Памятник Гарпий из Малой Азии и символика греческого искусства».

В 1876 г. Н. П. Кондаков защитил докторскую диссертацию «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей». На талантливого исследователя обратили внимание в Императорской археологической комиссии, остро нуждавшейся в специалистах. Весной 1876 г. Н. П. Кондакову было направлено предложение стать сотрудником ИАК, в ответ на которое он писал: «По своей должности я вполне свободен для занятий раскопками в Южной России в летние месяцы, равно и для исполнения других поручений в остальное время года». И действительно, уже в июле – августе 1876 г. Н. П. Кондаков провёл исследования в окрестностях боспорского города Нимфей, где раскопал несколько больших курганов. Эти раскопки по представлениям того времени не были удачными, и, по выражению директора Керченского музея А. Е. Люценко, в курганах «оказались уцелевшими только одни большие каменные, какого-то неизвестного народа гробницы и притом чрезвычайно бедные; греческие же, открытые им гробницы, были почти все расхищены в давнее время».

NIKODIM PAVLOVICH KONDAKOV (1844–1925) (Fig. 1), WHOSE 180th ANNIVERSARY IS CELEBRATED BY THE SCIENTIFIC COMMUNITY OF OUR COUNTRY THIS YEAR, OCCUPIES A SPECIAL PLACE IN THE HISTORY OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY. He is rightly considered an outstanding researcher of the Byzantine and Old Russian art, one of the founders of Russian Byzantine studies. It is not often noticed that the range of Nikodim Kondakov’s scientific interests was much wider, and his professional development was largely related with a deep study of the sites of classical culture.

#1

Having received higher education at Moscow University, Nikodim Kondakov soon received an offer from Novorossiysk University to head the first academic department of the history and theory of art in the Russian Empire, opened in 1870. The traditions of studying ancient culture in Odessa at that time were very strong, and it is not surprising that in an article of 1872 Nikodim Kondakov proved the need for an art historian to study ancient art with all its styles and schools as a model. His master’s thesis defended at Moscow University in December 1873 was entitled “The Harpy Site from Asia Minor and the Symbolism of Greek Art”.

2.

**Большой курган
у села Баксы под Керчью.**

Рисунок Ф. И. Гросса.
РО НА ИИМК РАН.
Р-1. Оп. 1. Д. 569. Л. 5

**Big barrow at Baksy village
near Kerch.**

Drawing by F. I. Gross.
MD of the SA of the IHMC RAS.
Cl.-I. Inv. 1. File 569. Sh. 5

3.

**Внутренний вид склепа
в кургане у села Баксы.**

Рисунок Ф. И. Гросса.
РО НА ИИМК РАН.
Р-1. Оп. 1. Д. 569. Л. 7

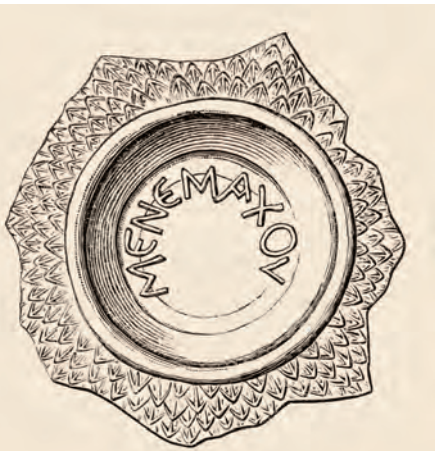
**Interior of the sepulcher
in the barrow at Baksy village.**

Drawing by F. I. Gross.
MD of the SA of the IHMC RAS.
Cl.-I. Inv. 1. File 569. Sh. 7

4.
Фрагмент «мегарской» чаши
из раскопок Херсонеса.
MAR. N° 7. С. 27

Fragment of a "Megarian"
 bowl from the excavations
 of Chersonesos.
MAR. N° 7. P. 27

5.
Фрагмент краснофигурного
сосуда из раскопок Херсонеса.
MAR. N° 7. С. 27

Fragment of a red-figure jar from
 the excavations of Chersonesos.
MAR. N° 7. P. 27

6.
Терракотовые статуэтки
из раскопок Херсонеса.
MAR. N° 7. Табл. I—III

Terra cotta statuettes from
 the excavations of Chersonesos.
MAR. N° 7. Table I—III

В 1878 г. Никодим Павлович Кондаков провёл исследование катакомб на склонах горы Митридат в Керчи и обратил внимание, «что катакомбы всей этой местности расположены двояко: группами в курганах, идущих по низу покатости параллельно городскому предместью, и порознь, но поясами, держащимися параллели хребта, в верхней части его склонов; таких поясов насчитано было до пяти, и местами пояса были правильны и непрерывны». Никодим Павлович пытался найти среди этих сооружений знаменитую расписную катакомбу — «царицу камер», открытую А. Б. Ашиком в 1841 г., но ни ему, ни другим археологам этого сделать не удалось.

Большие надежды были связаны с раскопками курганов на Таманском полуострове. В 1880 г. серьёзные работы были предприняты в окрестностях станицы Курчанской. Исследованные курганы содержали погребения бронзового века, времени средневековья, но ярких античных материалов здесь обнаружено не было. Раскопки кургана, расположенного рядом с Большой Близницей, тоже не дали хороших находок.

А. А. Васильчиков в мае 1882 г. обратился к Н. П. Кондакову с просьбой «насколько возможно выяснить вопрос, на какие именно пункты следует обратить преимущественно внимание при дальнейших археологических раскопках в тамошней местности (т. е. в районе Боспора. — *Примеч. автора*)». В ответе на это послание исследователь настаивал на необходимости сплошных раскопок на северном склоне горы Митридат, где можно открыть расписные гробницы, а также на исследовании больших курганов, расположенных вдали от Керчи.

Для раскопок 1882 г. он выбрал большой курган, находящийся около селения Баксы. После нелёгких трудов здесь была обнаружена монументальная каменная гробница с уступчатым перекрытием (*рис. 2, 3*), в которой находились богато украшенный саркофаг, погребения трёх коней, краснофигурная пелика и пр. Это было замечательное открытие — самая ранняя на Боспоре гробница такого рода, в которой, возможно, было совершено погребение одного из создателей Боспорского государства, Сатира I. В то время значение этого открытия, конечно, не было оценено по достоинству.

В 1885 г. исследователь вновь раскапывал курганы Таманского полуострова, на сей раз под станицей Старотитаровской. Открытые здесь погребения в основном принадлежали эпохе бронзы, к изучению которой боспорские археологи тогда не проявляли никакого интереса. Огорчённый этим, Н. П. Кондаков решил обратиться к исследованию курганов, давших замечательные находки в предыдущие годы, — Буеровой могиле на Тамани, а также курганам Острый и Змеиный под Керчью, но и эти раскопки не дали особого результата.

В 1886 г. Н. П. Кондакову было поручено провести исследование курганов у дер. Карамеркит в Западном Крыму, в одном из которых годом раньше при случайных обстоятельствах было обнаружено богатое скифское погребение V в. до н. э. Ожидаемого результата эти раскопки не дали, но привели к открытию погребений бронзового века.

На следующий год руководство ИАК решило привлечь Н. П. Кондакова к раскопкам Херсонеса Таврического, но реально их провести удалось только в 1888 г. Тогда в жизни Н. П. Кондакова уже произошли важные перемены. Он перебрался в С.-Петербург и с 1 января 1888 г. стал ординарным профессором С.-Петербургского университета по кафедре теории и истории искусства, а с 15 января был назначен старшим хранителем Императорского Эрмитажа.

В 1888 г. ситуация с исследованиями Херсонеса осложнилась из-за вмешательства графини П. С. Уваровой. Председательница Московского археологического общества охарактеризовала ход изучения этого важнейшего памятника в высшей степени негативно. А. А. Бобринской вынужден был торопить Н. П. Кондакова организовать раскопки немедленно, ими должен был руководить А. Л. Бертье-Делагард при содействии К. К. Костюшко-Валюжинича. Раскопки были проведены под руководством последнего.

In 1876, Nikodim Kondakov defended his doctoral thesis “History of Byzantine Art and Iconography from Miniatures of Greek Manuscripts”. The talented researcher was noticed by the Imperial Archaeological Commission which desperately needed specialists. In the spring of 1876 Nikodim Kondakov was offered to become an associate of the IAC, in response to which he wrote: “According to my position I am quite free for excavations in Southern Russia in the summer months, as well as for the execution of other assignments during the rest of the year.” And indeed, in July – August 1876 already Nikodim Kondakov conducted research in the vicinity of the Bosporan city of Nympheus, where he excavated several large barrows. According to the conception of that time, these excavations were not successful, and, according to the expression of Aleksandr Lyutsenko, Director of the Kerch Museum, in the barrows “only large and extremely poor stone tombs of some unknown people survived, while the Greek tombs opened by him had been almost all plundered in ancient times”.

In 1878 Nikodim Kondakov conducted a study of the catacombs on the slopes of Mount Mithridat in Kerch and noticed “that the catacombs of the whole area are located in two ways: in groups in barrows running along the bottom of the slope parallel to the city suburb, and separately, but in belts, keeping parallel to the ridge, in the upper part of its slopes; there were up to five belts, and in some places the belts were regular and continuous”. Nikodim Kondakov tried to find the famous painted catacomb – “the queen of chambers” discovered by Anton Ashik in 1841 – among these structures, but neither he nor other archaeologists succeeded.

Great hopes were connected with the excavation of the barrows on the Taman Peninsula. In 1880, serious work was undertaken in the vicinity of Kurchanskaya village. The investigated barrows contained burials from the Bronze Age and the Middle Ages, but no vivid antique materials were found here. The excavation of a barrow located near Bolshaya Bliznitsa did not yield any good finds, either.

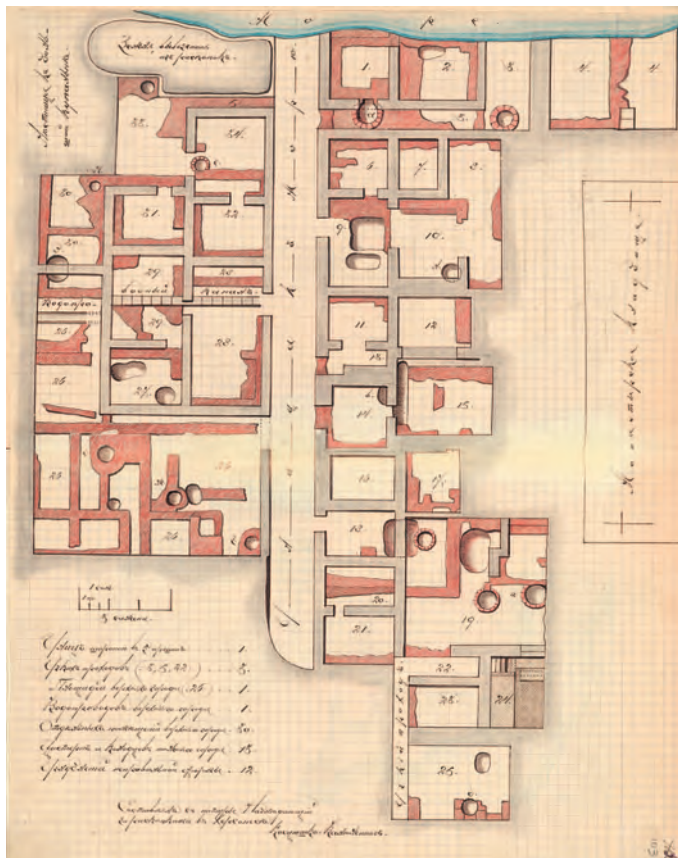
In May 1882 Aleksandr Vasilchikov addressed Nikodim Kondakov with a request to “clarify, to the extent possible, the question of what points should be given priority attention in further archaeological excavations in the area (i.e. in the area of Bosporus – author’s note)”. In response to this letter, the researcher insisted on the need for continuous excavations on the northern slope of Mithridat Barrow, where painted tombs could be discovered, as well as on additional research of large barrows located far from Kerch.

He chose a large barrow near Baksy village for excavations in 1882. After hard work, a monumental stone tomb with a stepped floor was discovered there (**Fig. 2, 3**), which contained a richly decorated sarcophagus, burials of three horses, a red-figure pelica, etc. It was a remarkable discovery: the earliest tomb of this kind on Bosporus, in which Satyr I, one of the founders of the Bosporan Kingdom, may have been buried. The significance of this discovery was certainly not appreciated at its true value at the time.

#2, 3

In 1885, the researcher again excavated the barrows of the Taman Peninsula, this time near Starotitarovskaya village. The barrows discovered here mainly referred to the Bronze Age, in the study of which the Bosporan archaeologists did not display any interest at that time. Disappointed by this, Nikodim Kondakov decided to turn to further research of the barrows that had yielded remarkable finds in previous years: the Buerova grave on Taman, as well as the Ostry and Zmeiny barrows near Kerch, but these excavations did not yield much result, either.

In 1886 Nikodim Kondakov was assigned to carry out an additional research of the barrows near Kara-Merkit village in the Western Crimea, in one of which a rich Scythian burial from the 5th century BC had been discovered a year earlier, under fortuitous circumstances. The excavations failed to yield the expected result but led to the discovery of burials of the Bronze Age.

7.
План Херсонеса.
 РО НА ИИМК РАН.
 Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 52. Л. 104

Plan of Chersonesos.
 MD of the SA of the IHMC RAS.
 F. 1. Inv. 1. 1889. File 52. Sh. 104

8.
План участка Херсонеса.
 РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1.
 1889 г. Д. 52. Л. 102–103

Plan of the section
 of Chersonesos.
 MD of the SA of the IHMC RAS.
 F. 1. Inv. 1. 1889. File 52. Sh. 102–103

9.
**План церкви,
 открытой в Херсонесе в 1889 г.**
 РО НА ИИМК РАН.
 Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 52. Л. 54

Plan of the church discovered
 in Chersonesos in 1889.
 MD of the SA of the IHMC RAS.
 F. 1. Inv. 1. 1889. File 52. Sh. 54

№ 4–6

Они оказались в высшей степени удачными – под средневековыми руинами были обнаружены остатки античного города (рис. 4–6).

№ 7–9
№ 9

Н. П. Кондаков к тому времени потерял интерес к полевой археологии и, как он писал в ИАК, был готов продолжать раскопки лишь в крайнем случае, предлагая поручить это дело К. К. Костюшко-Валюжиничу. Тем не менее в 1889 г. он осуществлял общий надзор за раскопками (рис. 7–9). Большой удачей этого сезона стало открытие хорошо сохранившегося основания церкви с мозаичным полом (рис. 9). В 1890 г. Н. П. Кондаков вновь определял лишь общее направление работ на городище. А. А. Бобринской надеялся, что и на следующий год исследования Херсонеса будут развиваться в обозначенном русле. Однако научные интересы Н. П. Кондакова всё дальше расходились с его служебными обязанностями как члена Комиссии. В письме к руководству ИАК он просил уволить его с этой должности с 11 января 1891 г. Просьба учёного была выполнена.

Сотрудничество Н. П. Кондакова с ИАК, продолжавшееся почти 15 лет, было весьма плодотворно. Оно в немалой степени определило направление дальнейших археологических работ на Боспоре и в Херсонесе Таврическом.

The next year the IAC directorate decided to get Nikodim Kondakov involved in the excavations of Tauric Chersonesos, but it was only in 1888 that they were actually carried out. At the time important changes occurred in Nikodim Kondakov's life. He moved to St. Petersburg and from 1 January 1888 he became a professor in ordinary of St. Petersburg University at the Department of Theory and History of Art, and from 15 January he was appointed senior curator of the Imperial Hermitage.

In 1888, the situation with Chersonesos research was complicated by the interference of Countess Praskov'ja Uvarova. The chairwoman of the Moscow Archaeological Society characterized the progress of the study of this most important site in a most negative way. Alexey Bobrinskoy had to hurry Nikodim Kondakov up to organize excavations immediately, they were to be managed by Aleksandr Berthier-Delagarde with the assistance of Karl Kostyushko-Valyuzhinich. The excavations were carried out under the direction of the latter. They were highly successful: the remains of an ancient city were discovered under the medieval ruins (**Fig. 4–6**).

4–6

By that time, Nikodim Kondakov had lost interest in field archaeology and, as he wrote to the IAC, was ready to continue excavations only as a last resort, offering to assign the task to Karl Kostyushko-Valyuzhinich. Nevertheless, in 1889 he carried out general supervision of the excavations (**Fig. 7–9**). A great success of this season was the discovery of a well-preserved church foundation with a mosaic floor (**Fig. 9**). In 1890 Nikodim Kondakov again determined only the general direction of works at the ancient site. Alexey Bobrinskoy hoped that the next year the research of Chersonesos would develop in the designated direction. However, Nikodim Kondakov's scientific interests diverged further and further from his official duties as a member of the Commission. In a letter to the IAC management he asked to be dismissed from this position from 11 January 1891. The scientist's request was fulfilled.

7–9
9

NIKODIM KONDAKOV'S COLLABORATION WITH THE IAC WHICH LASTED ALMOST 15 YEARS WAS VERY FRUITFUL. IT SIGNIFICANTLY DETERMINED THE DIRECTION OF FURTHER ARCHAEOLOGICAL WORK ON BOSPORUS AND IN TAURIC CHERSONESOS.

2024

165 лет
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

1859

В. А. Горончаровский

**ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ
АНТИЧНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО**

**THE IMPERIAL
ARCHAEOLOGICAL COMMISSION
AND CONSERVATION OF THE ANCIENT
CULTURAL HERITAGE
OF CIMMERIAN BOSPORUS**

Vladimir A.
Goroncharovsky

№ 1: 1

№ 1: 2

ВСКОРЕ ПОСЛЕ СВОЕГО УЧРЕЖДЕНИЯ В 1859 г. ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ СТАЛА ГЛАВНОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ, ЗАНИМАВШЕЙСЯ ВОПРОСАМИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. Непосредственная организация охраны памятников древности на первых порах в её обязанности не входила (Охрана памятников..., 1978. С. 63–68). Одним из основных направлений в этой работе было сохранение античных памятников на берегах Керченского пролива, в древности носившего название Боспор Киммерийский. Это несудивительно, поскольку единственной структурной единицей комиссии за пределами Санкт-Петербурга был Керченский музей древностей, а классическая археология во многих отношениях представляла собой наиболее развитый компонент российской археологической науки.

Несмотря на отсутствие специального финансирования, начинают приниматься меры по охране отдельных памятников древности, получивших известность во всём мире. Первым в этом отношении стал знаменитый Царский курган IV в. до н. э., открытый А. Б. Ашиком в 1837 г. и в дальнейшем изрядно пострадавший от грабительских раскопок (Федосеев, 2002. С. 163) (рис. 1: 1). Его каменный уступчатый склеп в 1865–1866 гг. был очищен от завалов. Откосы траншеи, ведущей ко входу, выложили бутовым камнем. Кроме того, реставрации подверглись часть свода дромоса кургана и пол погребальной камеры. При кургане выстроили сторожку и наняли сторожа для его постоянной охраны (Марти, 1926. С. 28) (рис. 1: 2).

5.

«Двойной» склеп 1873 г.
Фрагмент фрески на задней
стене первой камеры.
Рисунок Ф. И. Гросса.
РО НА ИИМК РАН.
P-I. Оп. 1. Д. 566. Л. 5

“Double” crypt of 1873.
Fragment of a fresco on the back wall
of the first chamber.
Drawing by F. I. Gross.
MD of the SA of the IHMC RAS.
Cl.-I. Inv. 1. File 566. Sh. 5

SOON AFTER ITS ESTABLISHMENT IN 1859, THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION BECAME THE MAIN GOVERNMENTAL ORGANIZATION DEALING WITH THE ISSUES OF THE NATIONAL HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE. At first, the direct organization of the protection of antiquities was not part of its duties (Ohrana pamjatnikov..., 1978. Pp. 63–68). One of the main directions in this work was the conservation of ancient monuments on the shores of the Kerch Strait which was named the Cimmerian Bosphorus in ancient times. This is not surprising, since the only structural unit of the Commission outside St. Petersburg was the Kerch Museum of Antiquities, and classical archaeology represented the most developed component of the Russian archaeological science in many respects.

Despite the lack of special funding, measures were taken to protect individual ancient monuments which had become famous all over the world. The first in this respect was the famous Royal Barrow of the 4th century BC that was discovered by A. B. Ashik in 1837 and subsequently suffered greatly from looting excavations (Fedoseev, 2002. P. 163) (**Fig. 1: 1**). In 1865–1866 its stone ledge crypt was cleared of wreckage. The slopes of the trench leading to the entrance were lined with rubble stone. In addition, part of the dromos vault of the mound and the floor of the burial chamber were restored. A gatehouse was built at the barrow and a watchman was hired to guard it all the time (Marty, 1926. P. 28) (**Fig. 1: 2**).

In 1870 the Ministry of the Imperial Court finally agreed to an annual allocation of 300 rubles from the state treasury for the repair of the crypt of the Melek-Chesmensky Barrow of the 4th century BC researched by Aleksandr Lyutsenko, director of the Kerch Museum. Over the twelve years from its discovery, the burial mound was almost destroyed as the neighborhood residents took clay from here. A lot of earth had to be brought to restore its original appearance, a gatehouse had to be built, and then in July 1871 the barrow was opened to the public (Marty, 1926. P. 29). Subsequently, it began to house the antiquities acquired at the expense of the remaining amounts for the maintenance of this archaeological monument, turning it into a small museum (**Fig. 2**).

1: 1

1: 2

2

Царский курганъ.

Входный съ стороны галереи 21го Сентября 1863 года.

Царский курганъ.

Видъ сѣверо-западной стороны въ 1863 и 1866 годахъ.

1.

Ф. И. Гросс. Царский курган:

1 — в сентябре 1863 г.

РО НА ИИМК РАН.

Р.-I. Оп. 1. 1899. Д. 564. Л. II;

2 — после реставрации
1865–1866 гг.

РО НА ИИМК РАН.

Р.-I. Оп. 1. 1899. Д. 692. Л. 14

F. I. Gross. Royal Barrow:

1 — in September 1863.

MD of the SA of the IHMC RAS.

Cl.-I. Inv. 1. File 564. Sh. 11;

2 — after restoration of 1865–1866.

MD of the SA of the IHMC RAS.

Cl.-I. Inv. 1. File 692. Sh. 14

2.

Мелек-Чесменский курган.

Фото М. С. Рубанчика (?)

до 1906 г.

ФО НА ИИМК РАН.

Отт. Q 518/4

Melek-Chesmensky Barrow.

Photo by M. S. Rubanchik (?)

before 1906.

Photo Collection of the SA

of the IHMC RAS. Print Q 518/4

№ 2

В 1870 г. удалось добиться от Министерства императорского двора ежегодного выделения из государственной казны суммы в 300 рублей на ремонт склепа Мелек-Чесменского кургана IV в. до н. э., исследованного директором Керченского музея А. Е. Люценко. За двенадцать лет, прошедших с момента открытия, курганный насыпь была почти разрушена из-за того, что окрестные жители брали отсюда глину. Пришлось подвезти немало земли для восстановления её первоначального вида, построить сторожку, после чего в июле 1871 г. курган был открыт для посещения (Марти, 1926. С. 29). Впоследствии в нём стали размещать древности, приобретённые за счёт остатков сумм на содержание этого археологического памятника, превратив его в небольшой музей (**рис. 2**).

В те годы особенно остро встал вопрос о сохранении расписных склепов в некрополе Пантикапея, которые подвергались нещадному разграблению, а порой и сознательному уничтожению. Директор Керченского музея С. И. Веребрюсов (с 1878 г.) писал в рапорте, направленном в Археологическую комиссию, о том, какой большой исторический интерес представляют «катакомбы, украшенные фресковой живописью на стенах» и заслуживающие «особенного сохранения и изучения» (Виноградов, 2019. С. 426). Тем не менее серьёзных сдвигов в этом отношении не произошло.

Ситуация начала меняться к лучшему, только когда должность директора Керченского музея получил К. Е. Думберг (с 1891 г.). Последний, ознакомившись с состоянием дел на местах, направил в Петербург рапорт, специально посвящённый охране древностей. Он отметил, что Городская дума, не заботясь о сохранении памятников, разрешает добывать камень на горе Митридат и, «благодаря усердию каменоломщиков, пропадают и уничтожаются многие предметы древности» (Виноградов, 2019. С. 451). Кроме того, срочно необходимо было усилить борьбу с грабительскими раскопками, достигшими катастрофических масштабов. Поддержав некоторые из предложений К. Е. Думберга, Археологическая комиссия обратилась в Министерство внутренних дел с просьбой «об устранении кладоискательства в Керчи» (Там же. С. 457). В итоге только с 1891 по 1894 г. здесь были привлечены к ответственности за незаконные раскопки 32 человека (Федосеев, 2002. С. 167). В этот период увеличился штат надсмотрщиков и для поднятия их престижа решили ввести особый знак в виде бляхи с орлом и круговой надписью: «Надсмотрщик Керченского музея» (**рис. 3**).

№ 3

№ 4

В 1895 г. в усадьбе Зайцевой на Глинище состоялось открытие склепа Деметры I в. н. э. с изображением самой богини (**рис. 4**), Гермеса и нимфы Калипсо, а также сцены похищения Кору Плутоном. Сразу стало очевидным значение этого памятника для истории античной живописи на юге России и на средства Археологической комиссии по соглашению с собственницей земли был устроен каменный сводчатый проход в склеп для осмотра его посетителями (Марти, 1926. С. 38).

№ 5

№ 6

Выкуп участков с расписными склепами первых веков н. э. начался только при следующем директоре Керченского музея – В. В. Шкорпиле (с 1901 г.), который ранее был хранителем Мелек-Чесменского кургана (Федосеев, 2017. С. 148). Он не только активно боролся с грабительской деятельностью т. н. «счастливиц», но и приобрёл в собственность Археологической комиссии склеп Деметры, изрядно пострадавший к тому времени склеп 1873 г. со сценой конного боя (**рис. 5**) и склеп 1891 г. со сценой жертвоприношения (**рис. 6**). Все эти объекты были поставлены под охрану музея (Марти, 1926. С. 42).

№ 7

Одновременно Комиссия неоднократно препятствовала вывозу за границу памятников древности. В частности, когда в марте 1914 г. стало известно о готовящейся отправке в Британский музей двух надгробий: стелы Стратоника, сына Зенона, и стелы Аполлониды, сына Апатурия (**рис. 7**), А. А. Бобринской обратился в Министерство иностранных дел с просьбой сделать так, чтобы эти эпиграфические памятники остались в Керчи. В результате они были переданы в музей (Виноградов, 2019. С. 505).

In those years, the issue of preserving the painted crypts in the necropolis of Panticapaeum which had been mercilessly plundered and sometimes deliberately destroyed became particularly acute. Director of the Kerch Museum Stepan Verebryusov (from 1878) wrote in a report sent to the Archaeological Commission about the great historical interest of the “catacombs decorated with fresco paintings on the walls” and deserving “special preservation and study” (Vinogradov, 2019. P. 426). Nevertheless, there were no serious shifts in this respect.

The situation started changing for the better only when Karl Dumberg was appointed director of the Kerch Museum (from 1891). Having familiarized himself with the state of affairs on the ground, the latter sent a report to St. Petersburg, specifically devoted to the protection of antiquities. He noted that without caring about the preservation of monuments the City Duma allowed the extraction of stone on Mount Mithridates and, “owing to the zeal of the quarrymen, many antiquities are lost and destroyed” (Vinogradov, 2019. P. 451). In addition, it was urgent to strengthen the fight against looting excavations which reached catastrophic proportions. Having supported some of Karl Dumberg’s proposals, the Archaeological Commission addressed the Ministry of Internal Affairs with a request “to eliminate treasure hunting in Kerch” (Ibid. P. 457). As a result, from 1891 till 1894 only, 32 people were prosecuted for illegal excavations here (Fedoseev, 2002. P. 167). During this period, the staff of overseers increased, and to raise their prestige the decision was made to institute a special badge in the form of a plaque with an eagle and a circular inscription: “Overseer of the Kerch Museum” (Fig. 3).

3

In 1895, in Zaitseva’s estate at Glinishche, the Demeter’s crypt of the 1st century AD was opened. It depicted the goddess herself (Fig. 4), Hermes and the nymph Calypso, as well as the scene of the abduction of Cora by Pluto. The importance of this monument for the history of antique painting in the South of Russia immediately became obvious, and a stone vaulted passage to the crypt for visitors to view it was built at the expense of the Archaeological Commission in agreement with the owner of the land (Marti, 1926. P. 38).

4

The redemption of the plots with the painted crypts of the first centuries AD began only under Vladislav Shkorpil, the next director of the Kerch Museum (from 1901), who had previously been the curator of the Melek-Chesmensky Barrow (Fedoseev, 2017. P. 148). He both actively fought against the plundering activities of the so-called “lucky men” and acquired the Demeter’s crypt, the crypt of 1873 with the equestrian battle scene (Fig. 5) and the crypt of 1891 with the sacrifice scene (Fig. 6), which had been quite damaged by that time, into the ownership of the Archaeological Commission. All these objects were placed under the protection of the museum (Marti, 1926. P. 42).

5, 6

At the same time, the Commission repeatedly prevented the export of antiquities abroad. In particular, when in March 1914 it became known about the forthcoming shipment of two tombstones to the British Museum: the stele of Stratonicus, son of Zenon, and the stele of Apollonides, son of Apaturius (Fig. 7), Alexey Bobrinsky addressed the Ministry of Foreign Affairs with a request to ensure that these epigraphic monuments remained in Kerch. As a result, they were transferred to the museum (Vinogradov, 2019. P. 505).

7

Among Vladislav Shkorpil’s measures to preserve ancient monuments we can mention his efforts for conservation of the painted crypt of the late 4th – early 3rd century BC on Vasyurinskaya Mount which was investigated in 1868–1869. In the summer of 1907, it was reopened and photographed (Vinogradov, Medvedeva, 2017. Pp. 16–20) (Fig. 8). The breach in the ceiling of the burial chamber was closed with logs and boards, and the pit above it was filled with earth. In 1910, it was possible to prevent the final destruction of one of the barrows of Yuz-oba excavated fifty years earlier by closing the entrance (Vinogradov, 2019. P. 510) (Fig. 9).

8

9

3.
Нагрудный знак надсмотрщика Керченского музея, учреждённый 26 мая 1892 г.
 по рисунку главного архитектора Керчь-Еникальского градоначальства Г. М. Солтыкевича.
РО НА ИИМК РАН.
Ф. 1. Оп. 1. 1891. Д. 37. Л. 94-96

Badge of an overseer of the Kerch Museum instituted on 26 May 1892 to the drawing of G. M. Soltykevich, Chief Architect of the Kerch-Enikalsky town governor's office.
MD of the SA of the IHMC RAS.
F. 1. Inv. 1. 1891. File 37. Sh. 94-96

4.
Фрагмент росписи склепа Деметры. Голова богини в центре плафона.
 Рисунок П. Ридигера. 1896 г.
РО НА ИИМК РАН.
Р.-1. Оп. 1. Д. 227. Л. 10

Fragment of a painting of Demeter's crypt. Head of the goddess in the center of the plafond.
 Drawing by P. Ridiger. 1896.
MD of the SA of the IHMC RAS.
Cl.-1. Inv. 1. File 227. Sh. 10

6.

Роспись склепа 1891 г.

Рисунок Ю. М. Васильева. 1891 г.

РО НА ИИМК РАН.

Р.-I. Оп. 1. Д. 226. Л. 14

Painting of the crypt of 1891.

Drawing by Yu. M. Vasiliev. 1891.

MD of the SA of the IHMC RAS.

Cl-I. Inv. 1. File 226. Sh. 14

7.

Боспорские надгробия,
найденные в августе 1913 г.
во дворе керченской станции
Индо-Европейской телеграфной
компании:

- 1 — стела Стратоника,
сына Зенона.
ФО НА ИИМК РАН.
Опт. О. 2610–76.
КБН-альбом. № 145;
- 2 — стела Аполлонида,
сына Апатурия.
КБН-альбом. № 652

Bosporan tombstones
found in August 1913 in the yard
of Kerch station of the Indo-European
Telegraph Company:

- 1 — the stele of Stratonicus,
son of Zenon.
Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Print O. 2610–76.
Corps of Bosporus Inscriptions-
album. № 145;
- 2 — the stele of Apollonides,
son of Apaturius.
Corps of Bosporus Inscriptions-
album. № 652

8.

Расписной склеп
на Васюринской горе.
РО НА ИИМК РАН.
Ф. 1. Оп. 1. 1907 г. Д. 6. Л. 387

Painted crypt
on Vasyurinskaya Mount.
MD of the SA of the IHMC RAS.
F. 1. Inv. 1. 1907. File 6. Sh. 387

9.

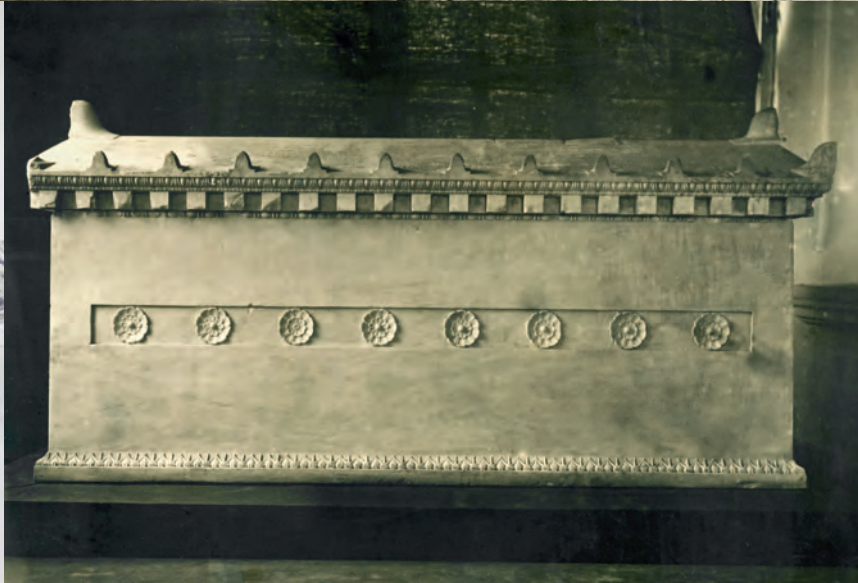
Курганный некрополь Юз-оба.
1860 г. Вход в гробницу № 48.
Рисунок К. Р. Бегичева.
РО НА ИИМК РАН.
Р-1. Оп. 1. Д. 691. Л. 20

Yuz-oba barrow necropolis.
Entrance to the tomb № 48
of the Fifth Barrow. 1860.
Drawing by K. R. Begichev.
MD of the SA of the IHMC RAS.
Cl.-I. Inv. 1. File 691. Sh. 20

10.

Таманский саркофаг. 1931 г.
ФО НА ИИМК РАН.
Опт. О. 200–30

Taman sarcophagus. 1931.
Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Print O. 200-30

№ 8

Среди мер В. В. Шкорпила по сохранению древних памятников можно упомянуть предпринятые им усилия по консервации исследованного в 1868–1869 гг. расписного склепа конца IV – начала III в. до н. э. на Васюринской горе. Летом 1907 г. он был заново вскрыт и сфотографирован (Виноградов, Медведева, 2017. С. 16–20) (рис. 8). Пролом в потолке погребальной камеры закрыли брёвнами и досками, а яму над ним засыпали землёй. В 1910 г. удалось предотвратить посредством закрытия входа окончательное разрушение одного из курганов Юз-обы, раскопанного за пятьдесят лет до того (Виноградов, 2019. С. 510) (рис. 9).

№ 9

№ 10

Последнее, что успела сделать Археологическая комиссия по сохранению памятников классической древности на берегах Керченского пролива, это спасти уникальный мраморный саркофаг III в. до н. э. (рис. 10), обнаруженный казаками в ходе грабительских раскопок на Лысой горе в 1916 г. С большим трудом его удалось доставить под навес у Воскресенской церкви в Тамани. В условиях событий, последовавших за Февральской революцией, Комиссия обратилась к В. В. Шкорпилу с предложением переместить его в Керченский музей (Виноградов, 2019. С. 527), но осуществить такую задачу тогда оказалось невозможно. В настоящее время саркофаг находится на экспозиции Государственного исторического музея в Москве.

Подводя итог деятельности Императорской археологической комиссии по сохранению памятников античного культурного наследия Боспора Киммерийского, следует отметить, что, несмотря на малочисленность своих представителей и недостаток необходимых средств, она заложила основу мер по охране памятников древности в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю. А.** Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственно-учреждения российской археологии от основания до реформы / М. В. Медведева, А. Е. Мусин (науч. ред.-сост.). СПб.: Невская типография, 2019. Т. I. С. 354–536.
- Виноградов Ю. А., Медведева М. В.** Из истории создания «Античной декоративной живописи на юге России» М. И. Ростовцева // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии / Ю. А. Виноградов, М. В. Медведева (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН; Лема, 2017. С. 9–30.
- Мартин Ю. Ю.** Сто лет Керченского музея (исторический очерк). Керчь: 4-я Тип. Крымполиграфтреста, 1926. 96 с.
- Охрана памятников истории и культуры в России XVIII – начала XX в.: Сб. документов / Р. Е. Альтшулер и др. (сост.). М.: Б. и., 1978. 356 с.
- Федосеев Н. Ф.** Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. № 1. С. 154–178.
- Федосеев Н. Ф.** Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. 315 с.

The last thing the Archaeological Commission for the preservation of monuments of Classical Antiquity on the shores of the Kerch Strait managed to do was to save a unique marble sarcophagus of the 3rd century BC (**Fig. 10**), discovered by the Cossacks during the plundering excavations on Lysaya Mount in 1916. With great difficulty it was brought under the canopy at the Resurrection Church in Taman. In the conditions of the events that followed the February Revolution, the Commission approached V.V. Shkorpil with a proposal to move it to the Kerch Museum (Vinogradov, 2019. P. 527), but it was impossible to fulfill such a task at that time. The sarcophagus is now on display at the State Historical Museum in Moscow.

SUMMING UP THE ACTIVITIES OF THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION FOR THE PRESERVATION OF MONUMENTS OF THE ANCIENT CULTURAL HERITAGE OF THE CIMMERIAN BOSPORUS, IT SHOULD BE NOTED THAT DESPITE THE SMALL NUMBER OF ITS REPRESENTATIVES AND THE LACK OF NECESSARY FUNDS, IT LAID THE FOUNDATION FOR MEASURES TO PROTECT ANTIQUITIES IN THIS REGION.

REFERENCES

- Fedoseev N. F.** Greki na Bospore Kimmerijskom: 200 let issledovanij. Simferopol': "Biznes-Inform" Publ., 2017. 315 s. (in Russian).
- Fedoseev N. F.** Kerchenskij muzej drevnostej // VDI. 2002. № 1. S. 154–178 (in Russian).
- Marti Ju. Ju.** Sto let Kerchenskogo muzeja (istoricheskij ocherk). Kerch': "4-ja Tip. Krympoligrafrestra" Publ., 1926. 96 s. (in Russian).
- Ohrana pamjatnikov istorii i kul'tury v Rossii XVIII – nachala XX v.: Sb. dokumentov / R. E. Al'tshuler i dr. (comp.). M.: "B. i." Publ., 1978. 356 s. (in Russian).
- Vinogradov Ju. A.** Imperatorskaja arheologicheskaja komissija i izuchenie drevnostej Bospora Kimmerijskogo. In: Imperatorskaja arheologicheskaja komissija (1859–1917): istorija pervogo gosudarstvennogo uchrezhdenija rossijskoj arheologii ot osnovanija do reformy / M. V. Medvedeva, A. E. Musin (eds.). SPb.: "Nevskaja tipografija" Publ., 2019. T. 1. S. 354–536 (in Russian).
- Vinogradov Ju. A., Medvedeva M. V.** Iz istorii sozdanija «Antichnoj dekorativnoj zhivopisi na juge Rossii» M. I. Rostovceva. In: Antichnaja dekorativnaja zhivopis' Bospora Kimmerijskogo: ot graficheskoj fiksacii k fotografii / Ju. A. Vinogradov, M. V. Medvedeva (eds.). SPb.: "IIMK RAN" Publ.; "Lema" Publ., 2017. S. 9–30 (in Russian).

2024

165 лет
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

1859

Н. Ф. Соловьёва,
С. Л. Соловьёв

ЮЖНЫЙ ПРИГОРОД
ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО.
ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК
В 2021–2023 гг.

SOUTHERN SUBURB
OF TAURIC CHERSONESOS.
RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL
EXCAVATIONS IN 2021–2023

Natalia F.
Solovieva,
Sergey L.
Soloviev

1.

ОАН «Южный пригород
древнего города
Херсонес Таврический»
в процессе раскопок.
Вид с юга

AHS “Southern Suburb
of the Ancient City of Tauric
Chersonesos”
in the process of excavations.
View from the south

В 2021–2023 гг. КОМПЛЕКСНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «МОЯ ИСТОРИЯ» И МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВЕЛА МАСШТАБНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГРАНИЦАХ ВЫЯВЛЕННОГО ОБЪЕКТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ «ЮЖНЫЙ ПРИГОРОД ДРЕВНЕГО ГОРОДА ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ», в рамках проектируемого историко-археологического парка на территориях, высвобождаемых Министерством обороны Российской Федерации. В состав участников совместного грандиозного археологического проекта вошли Государственный Эрмитаж, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Институт археологии Крыма РАН, Севастопольский государственный университет и НАО «Наследие Кубани». Исходя из опыта работ, такие исследования должны были занять десятилетия, однако профессиональный коллектив специалистов использовал наработанные им методики раскопок и цифровой фиксации, позволившие провести эти уникальные масштабные исследования в рекордно сжатые сроки на высоком методическом уровне, сохранив максимум информации для науки. Количество, качество и научные результаты проводимых работ не сопоставимы ни с одним другим проектом в мировой практике.

Общая площадь археологических исследований составила более 85 тысяч кв. м (рис. 1). Силами комплексной археологической экспедиции на исследуемой территории изучены культурные слои и открыто более тысячи археологических объектов разных эпох – от Классики до Новейшего времени, которые включают: гидротехнические сооружения для запасов воды (цистерны и колодцы); хозяйственные и производственные постройки; некрополь античного времени с захоронениями, совершёнными по обрядам ингумации и кремации, склепами с разнообразным и богатым погребальным инвентарём; некрополь раннехристианского времени, включающий вырубленные в скале склепы со сложной архитектурой и сопутствующими украшениями; французский шанец времён Крымской войны 1854–1855 гг.; юртообразные постройки XIX в.; хозяйственные строения начала XX в.; следы обороны Севастополя в Великую Отечественную войну.

Масштабные археологические раскопки в Южном пригороде Херсонеса в 2021–2023 гг., открывшие более 700 захоронений, не только существенно дополнили, но и сформировали новую картину представлений о погребальной практике жителей древнего города. Динамика освоения этой территории ныне представляется следующим образом.

In 2021–2023, A COMPLEX ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF THE INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES WITH THE SUPPORT OF THE MY HISTORY FOUNDATION AND THE MINISTRY OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION CONDUCTED LARGE-SCALE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH WITHIN THE BOUNDARIES OF THE IDENTIFIED ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITE “SOUTHERN SUBURB OF THE ANCIENT CITY OF TAURIC CHERSONESOS”, AS PART OF THE DESIGNED HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL PARK ON THE TERRITORIES VACATED BY THE MINISTRY OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION. The participants of the joint grandiose archaeological project included the State Hermitage Museum, the Tauric Chersonesos State Historical and Archaeological Museum-Reserve, the Institute of Archaeology of Crimea of the RAS, Sevastopol State University and the Heritage of Kuban NJSC. Based on the experience of the work, such research should have taken decades, but the professional team of specialists used their tried and tested methods of excavation and digital fixation which allowed conducting this unique large-scale research within record-short time at a high methodological level, preserving maximum information for science. The quantity, quality and scientific results of the work carried out are not comparable to any other project in the world practice.

The total area of the archaeological research was more than 85 thousand sq. m (**Fig. 1**). The complex archaeological expedition in the research area studied cultural layers and discovered more than a thousand archaeological objects of different epochs from Classic to Modern times which include: hydrotechnical constructions for water reserves (cisterns and wells); economic and industrial buildings, a necropolis of the ancient time with burials made according to the rites of inhumation and cremation, crypts with various and rich funeral inventory; a necropolis of the early Christian time, including rock crypts with complex architecture and accompanying decorations; a French scence of the times of the Crimean War of 1854–1855; yurt-like buildings of the 19th century; household buildings of the early 20th century; traces of Sevastopol’s defense in the Great Patriotic War.

Large-scale archaeological excavations in the Southern Suburb of Chersonesos in 2021–2023 which uncovered more than 700 burials both significantly supplemented and formed a new picture of ideas about the burial practices of the ancient city’s residents. The dynamics of the development of this territory now appears as follows.

Intensive development of the suburban area began in the Classical period and was related to a greater extent with agricultural and craft activities of the first residents of Chersonesos. This is evidenced by the discovered remains of rural buildings with wells and pottery kilns. In the first half of the 4th century BC already the area in front of the city gates was granted a special status. A sacred area with a mausoleum (geroon) (**Fig. 2**), a temple in antae, an altar, rooms for gifts, pilgrims and priests, a stone-paved courtyard for processions and a sacred spring (nymphaeum) were built here. During the Hellenistic period, the first burials appeared in the vicinity of the themenos, where burials in simple pits covered with stones or cut into the rock prevailed. The area did not lose its special significance for the residents of Chersonesos, and during the Diophantine Wars it even demanded additional fortification in the form of a powerful defensive wall with buttresses (**Fig. 3**), which separated the emerging necropolis from the agricultural area.

1

2

3

2.
ОАН «Южный пригород
древнего города
Херсонес Таврический».
Героон.
Вид с северо-запада

AHS "Southern Suburb of the Ancients
City of Tauric Chersonesos".
Героон.
View from the northwest

3.
ОАН «Южный пригород
древнего города
Херсонес Таврический».
Оборонительная стена
II в. до н. э.
Вид с северо-востока

AHS "Southern Suburb of the
Ancient City of Tauric Chersonesos".
Defensive wall, 2nd century BC.
View from the northeast

4.
ОАН «Южный пригород
древнего города
Херсонес Таврический».
Толос.
Вид с юго-востока

AHS "Southern Suburb of the Ancient
City of Tauric Chersonesos".
Tolos.
View from the southeast

5.
ОАН «Южный пригород
древнего города
Херсонес Таврический».
Гробницы Аристон и Аннион.
Вид с северо-запада

AHS "Southern Suburb of the Ancient
City of Tauric Chersonesos".
Tombs of Ariston and Annion.
View from the northwest

6.
ОАН «Южный пригород
древнего города
Херсонес Таврический».
Колумбарий.
Вид с северо-востока

AHS "Southern Suburb of the
Ancient City of Tauric Chersonesos".
Columbarium.
View from the northeast

№ 2

Интенсивное освоение загородной территории началось в классическую эпоху и было связано в большей мере с сельскохозяйственной и ремесленной деятельностью первых жителей Херсонеса. Свидетельством этому служат открытые остатки сельских построек с колодцами и печи для обжига керамики. Уже в первой половине IV в. до н. э. местность перед городскими воротами наделяется особым статусом. Здесь обустраивается священный участок с мавзолеем (герооном) (рис. 2), храмом в антах, алтарём, помещениями для даров, паломников и жрецов, мощённым камнем двором для процессий и священным источником (нимфеем). В течение эллинистического периода в окрестностях теменоса появляются первые погребения, в составе которых преобладали захоронения в простых ямах, обложенных камнями или вырубленных в скале. При этом территория не утратила своего особого значения для жителей Херсонеса, а во времена Диофантовых войн даже потребовала дополнительной фортификации в виде мощной оборонительной стены с контрфорсами (рис. 3), отделившей формирующийся некрополь от сельскохозяйственной территории.

№ 3

В первые века н. э. Южный пригород Херсонеса – уже сформировавшийся некрополь со своей внутренней пространственной организацией, захоронения которого демонстрируют большое разнообразие погребальной обрядности жителей Херсонеса этого времени. Территория некрополя была поделена на участки. Наиболее привилегированный участок находился в непосредственной близости от городских ворот. К нему относились уникальные и монументальные погребальные сооружения, расположенные на восточной стороне древней улицы, идущей от ворот Херсонеса по территории городского некрополя: толос (рис. 4), плитовые гробницы Аристана и Аннион с колумбарием, с многочисленными надгробными стелами, надписями, антропоморфами (рис. 5, 6), эседра-склеп с каменными скамьями и четырьмя погребальными камерами (рис. 7, 8). С востока к нему примыкал участок, отделённый монументальным пропилоном с каменными ступенями, за которым располагались захоронения в ямах и склепах, значительная часть которых принадлежала знатным гражданам города. Рядовые граждане города этого времени были захоронены южнее этих двух участков, в простых ямах или каменных ящиках.

№ 4

№ 5, 6

№ 7, 8

Важной особенностью погребальной практики жителей Херсонеса на протяжении античной эпохи стало устойчивое сочетание обрядов ингумации и кремации, причём последняя традиция заметно доминировала. Открытые на всех участках некрополя кремационные площадки, погребальные урны, оссуарии, колумбарии поражают своим числом (около 300 объектов).

№ 9

В эпоху Средневековья, с началом христианства традиция захоронения в семейных склепах становится наиболее устойчивой на территории Южного пригорода, постепенно вытесняя другие погребальные обряды. Как правило, склепы состояли из входного коридора – дромоса – и сводчатой камеры с одно- или двухъярусными лежанками (рис. 9). Эти погребальные сооружения служили семейными усыпальницами на протяжении длительного времени.

С X по XIII в. предназначение Южного пригорода стало иным. Как и в самую раннюю эпоху, эта территория использовалась в основном в хозяйственных целях. Здесь строится сеть дорог, обустраиваются колодцы и цистерны для питьевой воды, размещается печь для выжигания извести, возводятся жилые и хозяйственные постройки, участки земли размежевываются каменными стенками.

Территория Южного пригорода на протяжении всей античной эпохи и в последующее время служила неиссякаемым источником пресной воды для жителей Херсонеса. Начиная с классического времени здесь были устроены цистерны и колодцы, которые, по всей вероятности, использовались как источники воды, святилища водных божеств, а позднее как купели для первых христиан (обнаружено более 150 объектов).

In the first centuries AD the Southern Suburb of Chersonesos was already a formed necropolis with its own internal spatial organization, with the burials demonstrating a great variety of funeral rites of Chersonesos residents of that time. The territory of the necropolis was divided into plots. The most privileged plot was located in the immediate vicinity of the city gates. It included unique and monumental funerary structures located on the eastern side of the ancient street running from the Chersonesos gate along the territory of the city necropolis: the tolos (**Fig. 4**), the slab tombs of Ariston and Annion with a columbarium, with numerous crypt stelas, inscriptions, anthropomorphs (**Fig. 5, 6**), an exedra-crypt with stone benches and four burial chambers (**Fig. 7, 8**). From the east, there was an area separated by a monumental propylon with stone steps, with burials in pits and crypts behind it, a significant part of them belonging to the noble citizens of the city. Ordinary citizens of the city of the time were buried to the south of these two plots, in simple pits or stone boxes.

4

5–8

An important feature of the funerary practice of the Chersonesos residents during the antique era was the stable combination of inhumation and cremation rites, with the latter tradition noticeably prevailing. The number of the cremation grounds, funerary urns, ossuaries and columbaria discovered in all parts of the necropolis is astonishing (about 300 objects).

In the Middle Ages, with the beginning of Christianity, the tradition of burial in family crypts became the strongest in the territory of the Southern suburb, gradually replacing other funeral rites. As a rule, the crypts consisted of an entrance corridor — dromos — and a vaulted chamber with one- or two-tiered benches (**Fig. 9**). These funerary structures served as family tombs for a long time.

9

From the 10th to the 13th centuries, the purpose of the Southern Suburb became different. As in the earliest era, this territory was used mainly for economic purposes. A network of roads was built here, wells and cisterns for drinking water were constructed, a lime kiln was placed, residential and household buildings were erected, and land plots were demarcated by stone walls.

Throughout the ancient period and later the territory of the Southern Suburb served as an inexhaustible source of fresh water for Chersonesos residents. Since the Classical times, cisterns and wells were built here which were probably used as water sources, sanctuaries of water deities, and later as font basins for the first Christians (more than 150 sites were discovered). The area outside the defensive wall served as agricultural lands of Chersonesos, among which were vineyards and wineries with presses - tarapans.

During the archaeological excavations in the Southern Suburb of Chersonesos, about five million artefacts have been found, fully reflecting the centuries-long history of this section of the ancient city. They include different categories of archaeological finds: from simple household utensils to highly artistic examples of Greek vase painting, from everyday objects made of glass, stone, bone and bronze to exquisite jewelry (**Fig. 10**), numerous numismatic and epigraphic monuments (more than 7,500 and 3,000 finds, respectively), a large number of tombstones: from very conventional anthropomorphic statues to masterly sculptural funerary stelas. About 500 thousand archaeological finds will soon replenish the funds of the Chersonesos Museum-Reserve, more than 30 thousand items having already been transferred for safe-keeping. The specialists of the IHMC RAS and Simferopol University have processed osteological and anthropological materials in the amount of more than 400 thousand bone remains. The restorers of the State Hermitage Museum have restored more than 16 thousand items.

10

7.

ОАН «Южный пригород
древнего города
Херсонес Таврический».

Экседра.

Перекрёсток улиц некрополя.

Вид с северо-запада

AHS "Southern Suburb of the Ancient
City of Tauric Chersonesos".

Exedra.

Intersection of necropolis streets.

View from the northwest

8.
ОАН «Южный пригород
древнего города
Херсонес Таврический».
Экседра-склеп.
Вид с северо-запада

AHS "Southern Suburb of the Ancient
City of Tauric Chersonesos".
Exedra-crypt.
View from the northwest

9.
ОАН «Южный пригород
древнего города
Херсонес Таврический».
Склеп.
Вид с востока

AHS "Southern Suburb of the Ancient
City of Tauric Chersonesos".
Crypt.
View from the east

№ 10

Местность за пределами оборонительной стены служила сельскохозяйственными угодьями Херсонеса, среди которых были виноградники и винодельни с прессами – тарапанами.

За время археологических раскопок в Южном пригороде Херсонеса было найдено около пяти миллионов артефактов, в полной мере отражающих многовековую историю этого участка древнего города. В их составе представлены разные категории археологических находок: от простой бытовой посуды до высокохудожественных образцов греческой вазовой живописи, от предметов повседневного быта, сделанных из стекла, камня, кости и бронзы, до изысканных ювелирных украшений (рис. 10), многочисленные нумизматические и эпиграфические памятники (определено более 7500 и 3000 находок соответственно), большое число надгробий: от весьма условных антропоморфных изваяний до мастерски выполненных скульптурных погребальных стел. Около 500 тысяч археологических находок в скором времени пополнят фонды Херсонесского музея-заповедника, из них более 30 тысяч предметов уже переданы на хранение. Специалистами ИИМК РАН и Симферопольского университета обработаны остеологические и антропологические материалы в количестве более 400 тысяч костных остатков. Реставраторы Государственного Эрмитажа восстановили более 16 тысяч предметов.

И это были не просто археологические раскопки. Обнаружение уникальных сооружений, расположенных ниже уровня моря, потребовало разработки новой методики на стыке археологии, архитектуры и реставрации с использованием IT-технологий, которая позволила бы сохранить и экспонировать эти объекты. Параллельно с раскопками проводилась работа по их музеефикации: объекты разбирались, перевозились в специально оборудованное временное хранилище, где были проведены консервация и реставрация всех составляющих элементов, для того чтобы впоследствии методом анастилоза установить объекты на территории археологического парка музея.

AND IT WAS NOT JUST ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS. THE DISCOVERY OF UNIQUE STRUCTURES LOCATED BELOW THE SEA LEVEL REQUIRED THE DEVELOPMENT OF A NEW METHODOLOGY AT THE INTERSECTION OF ARCHAEOLOGY, ARCHITECTURE AND RESTORATION USING IT-TECHNOLOGIES, WHICH WOULD MAKE IT POSSIBLE TO PRESERVE AND EXHIBIT THESE OBJECTS. IN PARALLEL WITH THE EXCAVATIONS, WORK ON THEIR MUSEIFICATION WAS CARRIED OUT: THE OBJECTS WERE SORTED OUT, TRANSPORTED TO A SPECIALLY EQUIPPED TEMPORARY STORAGE FACILITY WHERE CONSERVATION AND RESTORATION OF ALL COMPONENT ELEMENTS WERE CARRIED OUT IN ORDER TO SUBSEQUENTLY INSTALL THE OBJECTS ON THE TERRITORY OF THE MUSEUM'S ARCHAEOLOGICAL PARK USING THE ANASTYLOSIS METHOD.

10.

ОАН «Южный пригород
древнего города
Херсонес Таврический».
**Ювелирные изделия
из погребальных комплексов
античного времени**

AHS "Southern Suburb of the Ancient
City of Tauric Chersonesos".
**Jewelry from ancient funerary
complexes**

2024

165 лет
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

1859

Н. Ф. Соловьёва

РЕСТАВРАЦИЯ
ТРИУМФАЛЬНОЙ АРКИ
ПАЛЬМИРЫ

RESTORATION
OF THE TRIUMPHAL ARCH
OF PALMYRA

Natalia F.
Solovieva

№ 2

ПАЛЬМИРА (рис. 2), ОДИН ИЗ ШЕСТИ ОБЪЕКТОВ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО В СИРИИ, С СЕРЕДИНЫ МАЯ 2015 г. НАХОДИЛАСЬ ПОД КОНТРОЛЕМ ТЕРРОРИСТОВ, КОТОРЫЕ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННО УНИЧТОЖИЛИ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЕ ОБЪЕКТЫ ДРЕВНЕЙ АРХИТЕКТУРЫ. Ответом на варварские действия стало появление в разных уголках мира целого ряда инициативных проектов по спасению Пальмиры. Одними из первых были российские специалисты. Сразу после освобождения Пальмиры Институт истории материальной культуры РАН выступил с инициативой создания 3D-модели современного состояния всей территории древней Пальмиры, которая фиксировала бы все разрушения и стала системой доказательств варварства боевиков. К 2020 г. проект цифровизации всего древнего города «Пальмира во времени и пространстве» был завершён: построена 3D-модель Пальмиры и создана геоинформационная система PalmyraGIS, включающая всю информацию о памятнике. Модель передана в дар Сирии и ЮНЕСКО. <https://palmyra-3d.online>

В числе взорванных боевиками объектов была и Триумфальная Арка – самое известное на весь мир сооружение знаменитой Пальмиры, визитная карточка Сирии. Построенная в III в. н. э. Арка являлась неотъемлемой частью Большой Колоннады и имела уникальную треугольную форму, позволявшую маскировать поворот и расширение главной улицы города (рис. 4). В 30-х гг. XX в. Арка была отреставрирована французскими специалистами и после завершения работ приобрела тот вид, который и был известен всему миру (рис. 3).

4 октября 2015 г. весь мир облетели кадры взрыва Арки террористами. Особой болью весть о взрыве Арки отозвалась в сердцах россиян, ведь все, кто учились в пятом классе средней школы, начинали своё знакомство с античностью с учебника истории древнего мира, на обложке которого изображена Арка Пальмиры. Поэтому осенью 2021 г. было принято решение о реставрации Триумфальной Арки российскими специалистами.

26 марта 2022 г. Генеральный департамент древностей и музеев Сирии (ДГАМ) и ИИМК РАН подписали договор о реставрации Арки. В России было решено, что проект выполняется под эгидой Русского географического общества при поддержке Минобороны. Руководство проектом возложено на Центр спасательной археологии (ЦСА ИИМК РАН) (руководитель проекта – Н. Ф. Соловьёва). Центр собрал уникальный научный творческий коллектив, в который вошли лучшие специалисты Санкт-Петербурга и России: сотрудники ЦСА ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа, «Архитектурное бюро „Студия 44“», которым руководит народный архитектор России, лауреат двух Государственных премий Никита Явейн, «Архитектурная мастерская М. Атаянца», возглавляемая одним из лучших мировых специалистов в области античной архитектуры Максимом Атаянцем, учёные Санкт-Петербургского государственного университета, члены ИКОМОС Россия и «Союза реставраторов Санкт-Петербурга», руководители и сотрудники профильных компаний «АЖИО», «ЛСУ» и «Бастион».

1.
**Триумфальная Арка
после разбора завала.**
*Фотография ЦСА ИИМК РАН
2022 г.*

**Triumphal Arch
after clearing of the rubble.**
*Photo of the RAC of the IHMC RAS,
2022*

FROM MID-MAY 2015 PALMYRA (Fig. 2), ONE OF THE SIX UNESCO WORLD HERITAGE SITES, IN SYRIA WAS UNDER THE CONTROL OF THE TERRORISTS WHO DELIBERATELY DESTROYED THE MOST IMPORTANT SITES OF ANCIENT ARCHITECTURE. The response to the barbaric actions was the emergence of a whole number of initiatives to save Palmyra in different corners of the world. Russian specialists were among the first. Immediately after the liberation of Palmyra, the Institute for the History of Material Culture RAS came forward with an initiative to create a 3D model of the current state of the entire territory of ancient Palmyra, which would record all the destruction and become a system of evidence of the militants' barbarity. By 2020 the Palmyra in Time and Space project of digitalization of the entire ancient city was completed: a 3D model of Palmyra was built and the PalmyraGIS geoinformation system which includes all the information about the monument was created. The model was donated to Syria and UNESCO. <https://palmyra-3d.online>

2

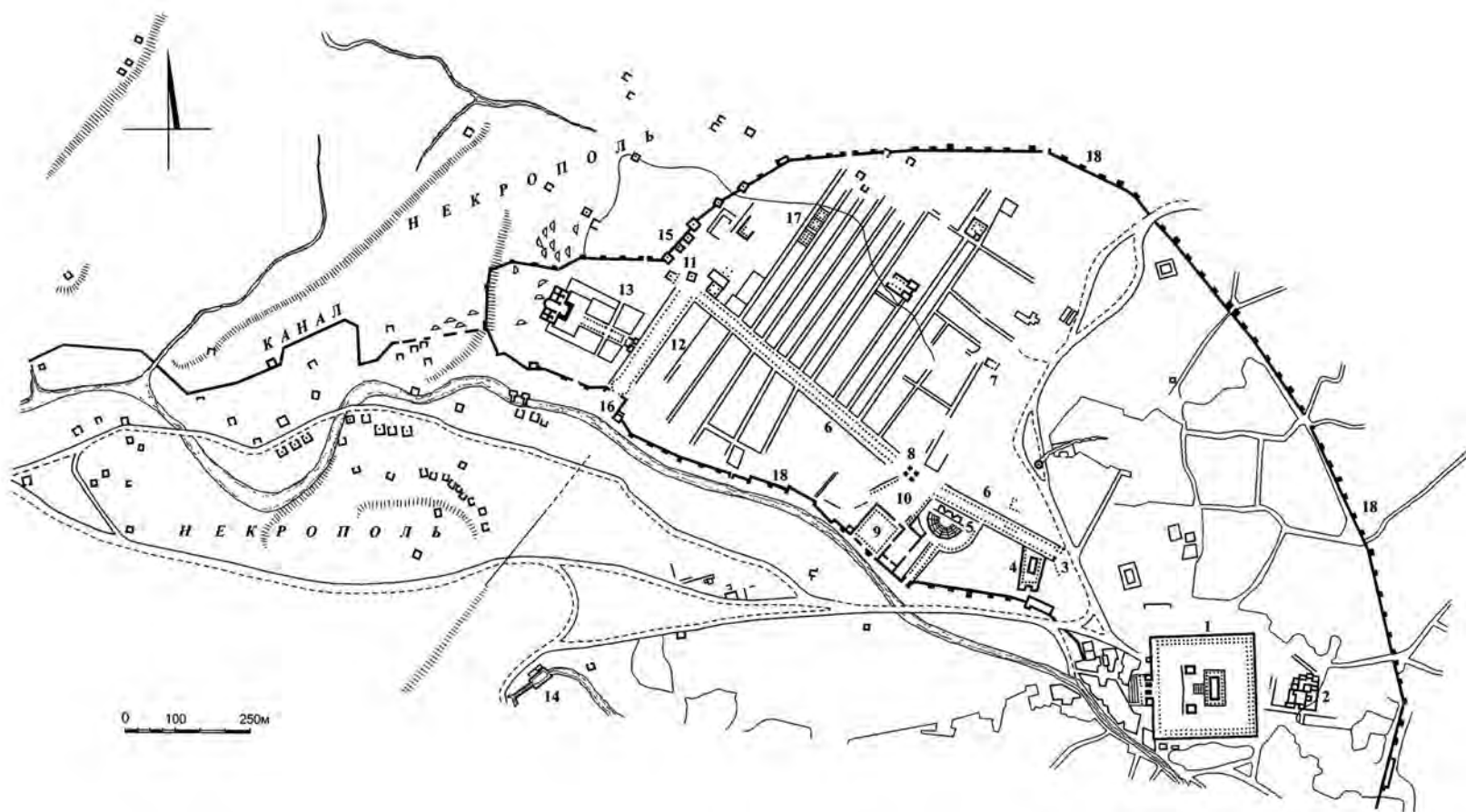
The sites blown up by the militants included the Triumphal Arch, the world best known structure of famous Palmyra, the landmark of Syria. Built in the 3rd century AD the Arch was an integral part of the Great Colonnade and had a unique triangular shape masking the turn and extension of the city's main street (Fig. 4). In the 1930-s, the Arch was restored by French specialists and after the completion of the work acquired the appearance that was known to the whole world (Fig. 3).

4
3

On October 4, 2015, pictures of the explosion of the Arch by terrorists quickly went round the world. The news of the explosion of the Arch was particularly painful for Russians, because everyone studying in the fifth grade of secondary school began their acquaintance with antiquity from the ancient world history textbook having the Triumphal Arch on its cover. That is why in the autumn of 2021 the decision was made to restore the Triumphal Arch by Russian specialists.

On March 26, 2022 the Directorate General for Antiquities and Museums of Syria (DGAM) and the IHMC RAS signed an agreement to restore the Arch. In Russia, the decision was made that would be implemented under the aegis of the Russian Geographical Society with the support from the Ministry of Defense. The project management was imposed on the Rescue Archaeology Center (RAC of the IHMC RAS) (the project leader is N. F. Solovieva). The Center has assembled a unique research and creative team which includes the best specialists from St Petersburg and Russia: specialists from the RAC of the IHMC RAS and the State Hermitage Museum; the Studio 44 Architectural Bureau headed by Nikita Yavein, People's Architect of Russia and a winner of two State Prizes; the M. Atayants Architectural Workshop headed by Maxim Atayants, one of the best world specialists in the field of ancient architecture; scientists of St. Petersburg State University, members of the ICOMOS Russia and the Union of St. Petersburg Restorers; directors and employees of AGIO, LSU and Bastion specialized companies.

2.

Пальмира. План-схема:

- 1 – храм Бэла;
- 2 – жилые дома с мозаиками;
- 3 – Монументальная Арка;
- 4 – храм Набу;
- 5 – театр;
- 6 – Большая колоннада;
- 7 – храм Баалшамина;
- 8 – тетрашилон;
- 9 – агора;
- 10 – Сенат (?);
- 11 – храм-усыпальница;
- 12 – поперечная колоннада;
- 13 – лагерь Диоклетиана;
- 14 – источник Эфка;
- 15 – башенные гробницы, включённые в оборонительную систему;
- 16 – Дамасские ворота;
- 17 – жилые дома;
- 18 – оборонительная стена (по: Михаловский, Дзевановский, 1968)

Palmyra. Layout:

- 1 – Temple of Bel;
- 2 – residential houses with mosaics;
- 3 – Monumental Arch;
- 4 – Temple of Nabu;
- 5 – theater;
- 6 – Great Colonnade;
- 7 – Temple of Baalshamin;
- 8 – tetrapylon;
- 9 – agora;
- 10 – Senate (?);
- 11 – Funerary Temple;
- 12 – transversal colonnade;
- 13 – Diocletian's camp;
- 14 – Efqa Spring;
- 15 – tower tombs included into the defensive system;
- 16 – Damascus Gate;
- 17 – residential houses;
- 18 – rampart
(according to K. Mikhalovsky, A. Dzevanovsky, 1968)

3.

Пальмира (состояние объектов до варварских разрушений в 2015–2016 гг.).

Фотография из сети Интернет

Palmyra (state of the site before the barbaric destruction in 2015–2016).
Photo from the Internet

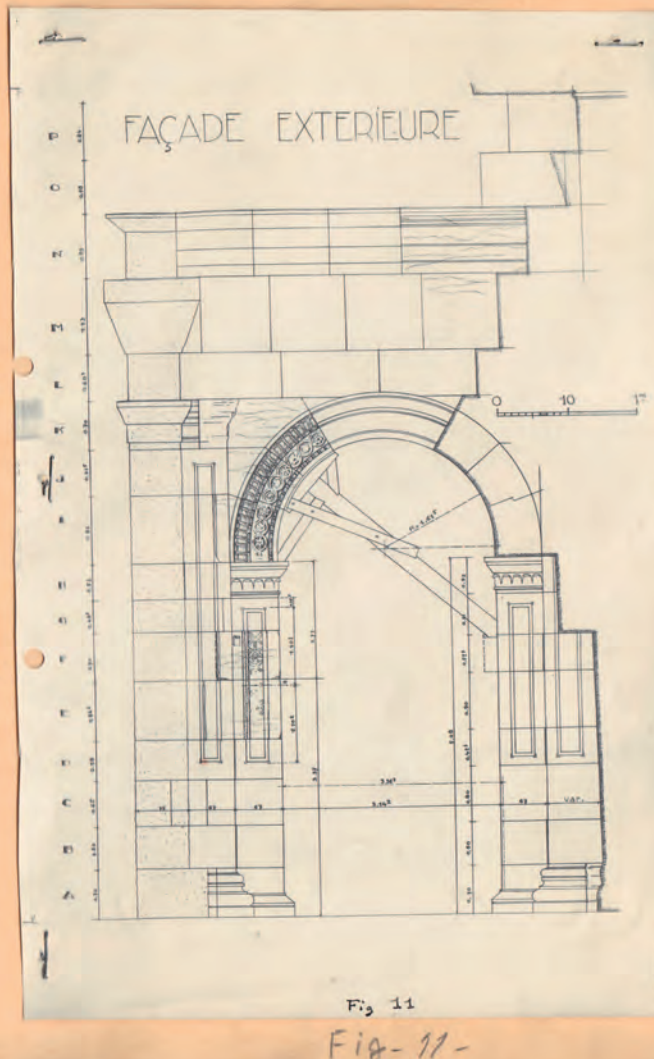
4.

Триумфальная Арка Пальмиры в конце XIX в.

Архив РГО. Д. 112. О. 1. № 1220 / 008

Palmyra's Triumphal Arch in the late 19th century.
RGS Archive. File 112. O. 1. № 1220/008

5.
Фотография страницы
альбома отчёта Робера Амн
1931 г.
(из архива ДГАМ)

Photo of the page of Robert Amy's
 report album
(from the DAMS Archive)

6.
Триумфальная Арка
после взрыва в 2015 г.
Фотография ЦСА ИИМК РАН
2021 г.

Triumphal Arch
 after the explosion in 2015.
 Photo of the RAC of the IHMC RAS,
 2021

- С сирийской стороны проект курируют Министерство культуры и Сирийский фонд развития, в работе принимают участие специалисты ДГАМ и Дамасского университета, а также жители современного города Тадмор, на окраине которого расположена Пальмира.
- Хочется особо подчеркнуть, что к началу работ в распоряжении специалистов были лишь собственно руины Арки, огромное количество любительских фотографий разных эпох, одна статья Робера Ами, несколько упоминаний Арки в других научных трудах и старые фотографии с фотографий обмерных чертежей (рис. 5). Ни чертежей, ни описания, ни прорисовок не было. Не было и никакой информации о конструкции и состоянии фундамента Арки. Всё нужно было создавать практически с нуля.
- К концу осени 2022 г. творческий коллектив провёл огромную работу:
- осуществлена фотофиксация текущего (до разбора завала) состояния Триумфальной Арки Пальмиры (рис. 6);
  - создана высокоточная детальная 3D-модель современного (до разбора завала) состояния Триумфальной Арки Пальмиры;
  - выполнено натурное обследование исторического природного камня в устоявших и рухнувших элементах Арки и материалов, использованных при реставрации в 30-х гг. XX в., изучены виды эрозии камня;
  - проведён отбор проб и выполнен анализ отобранных образцов природного камня, а также камня и растворных материалов, использованных в позднейших ремонтно-реставрационных работах;
  - разобран завал, образовавшийся в результате взрыва, рухнувшие блоки пронумерованы, внесены в описи и перемещены в лапидарий (рис. 1, 7, 8);
  - все рухнувшие блоки и фрагменты блоков, имеющие хотя бы одну внешнюю поверхность, отсканированы методом структурированной подсветки и созданы их цифровые 3D-модели;
  - сфотографирован и внесён в опись каждый фрагмент рухнувшего блока, не имеющих ни одной внешней поверхности;
  - с целью выяснения конструкции фундамента заложены архитектурно-археологические шурфы;
  - выполнены фотографическая и архитектурная документация устоявших частей Арки с последующим созданием 3D-моделей;
  - выполнены наземная съёмка и съёмка с БПЛА, топографическая съёмка территории Арки;
  - выполнены архитектурные обмеры устоявших конструкций с последующим вычерчиванием чертежей;
  - проведено геологическое обследование;
  - проведены полномасштабные археологические раскопки всей территории Арки (рис. 9);
  - созданы 3D-модели Арки до взрыва и после разбора завала, на основе которых выполнены обмерные чертежи (рис. 10, 11);
  - выполнена цифровая реконструкция исторического облика Арки (рис. 12);
  - по итогам археологических исследований впервые определена конструкция фундамента Арки в целом и каждого из девяти пилонов;
  - оценено состояние устоявших элементов и рухнувших блоков.
- По итогам каждого этапа проведены конференции с участием международных экспертов. Результаты всех проведённых исследований опубликованы в специальном выпуске – Бюллетень Института истории материальной культуры РАН: охранная археология. Вып. 13. СПб.: ИИМК РАН, 2022.

From the Syrian side the project is supervised by the Ministry of Culture and the Syrian Trust for Development; the work is carried out with the participation of the specialists from the DGAM and the University of Damascus, and residents from the modern town of Tadmor, on the outskirts of which Palmyra is located.

I would like to particularly stress that at the beginning of the work the specialists had only the ruins of the Arch, a huge number of amateur photographs from different eras, one article by Robert Amy and several references to the Arch in other scientific papers and old photographs of the measurement drawings (**Fig. 5**). There were no drawings, no description, no sketches. There was no information about the structure and condition of the Arch's foundation. Everything was to be created practically from scratch.

#5

By the late autumn 2022 the creative team had carried out huge work:

- photo fixation of the current (prior to clearing of the rubble) state of Palmyra's Triumphal Arch was carried out (**Fig. 6**);
- a highly-accurate detailed 3D model of the current (prior to clearing of the rubble) state of Palmyra's Triumphal Arch was created;
- an on-site survey of the historical natural stone in the surviving and collapsed Arch elements and materials used during the restoration in the 1930-s was performed, types of the stone erosion were studied;
- samples were taken, and the selected samples of the natural stone and the stone and mortar materials used in the later repair and restoration work were analyzed;
- the rubble resulting from the explosion was sifted through, all fallen blocks were numbered, entered into inventories and relocated to the lapidary (**Fig. 1, 7, 8**);
- all collapsed blocks and fragments of blocks having at least one external surface were scanned by the structured-light method and their 3D digital models were created;
- every fragment of the collapsed block having no external surface was photographed and entered into the inventory;
- to identify the foundation construction, architectural and archaeological pits were laid;
- photographic and architectural documentation of the surviving parts of the Arch was performed with subsequent creation of 3D models;
- ground and UAV survey and topographic survey of the Arch territory were performed;
- architectural measurements of the surviving structures were carried out with subsequent preparation of drawings;
- geological survey was carried out;
- full-scale archeological excavations of the entire territory of the Arch were carried out (**Fig. 9**);
- 3D models of the Arch before the explosion and after clearing of the rubble were created, with measurement drawings made on their basis (**Fig. 10, 11**);
- digital reconstruction of its historical appearance was made (**Fig. 12**);
- based on the results of the archeological surveys the structures of the Arch's foundation as a whole and of each of its nine pylons were determined for the first time;
- the condition of the surviving elements and the collapsed blocks was assessed.

#6

#1, 7, 8

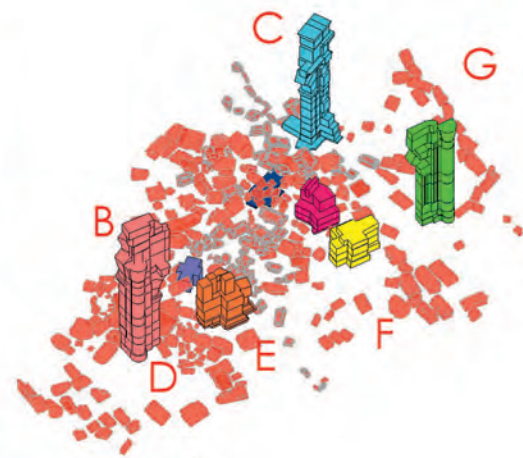
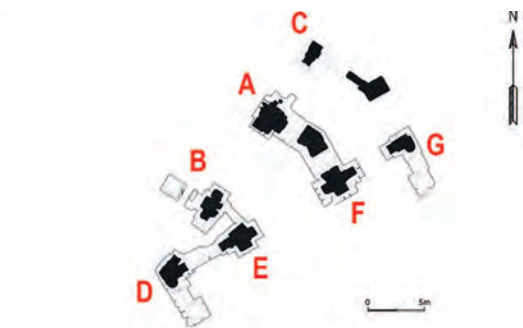
#9

#10, 11

#12

Based on the results of each stage conferences were held with the participation of international experts. The results of all the performed research were published in a special issue – Newsletter No. 13 of the Institute for the History of Material Culture RAS: Rescue Archeology. Issue 13. SPb.: IHMC RAS, 2022.

The data obtained allowed filling in the gaps in the information about the Arch and developing the basic methods and approaches to the upcoming restoration, which formed the basis of the restoration project of the Triumphal Arch of Palmyra.

7.
**Схема состояния Триумфальной
 Арки Пальмиры после взрыва
 с указанием рухнувших блоков**

Scheme of the condition of the
 Triumphal Arch after the explosion
 stating the collapsed blocks

8.
**Процесс разбора завала,
 образовавшегося в результате
 взрыва.**

*Фотография ЦСА ИИМК РАН
 2022 г.*

Process of clearing the rubble
 resulting from the explosion.
*Photo of the RAC of the IHMC RAS,
 2022*

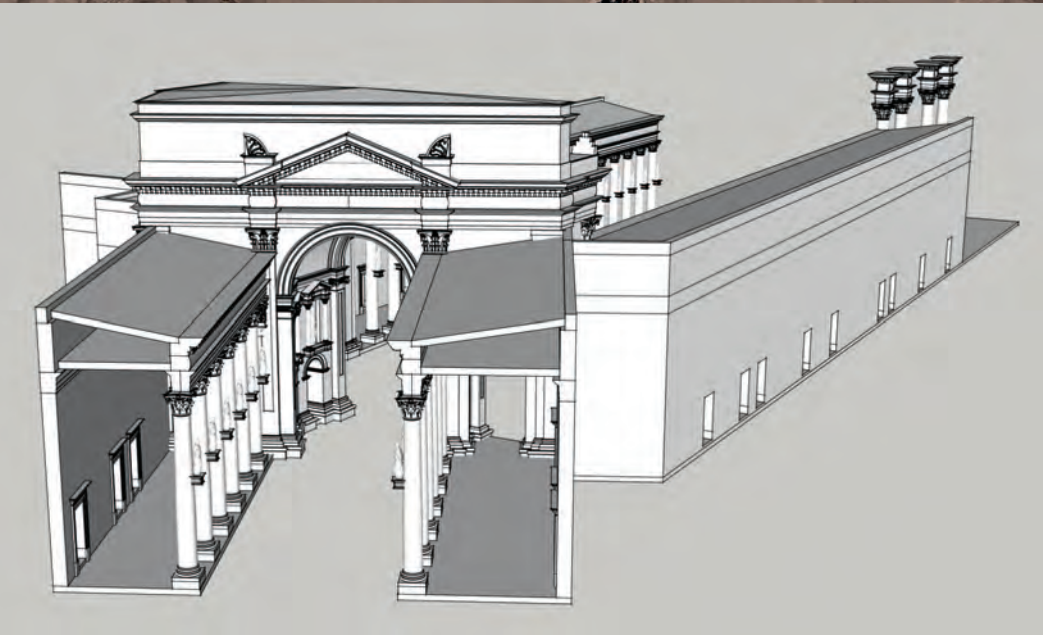
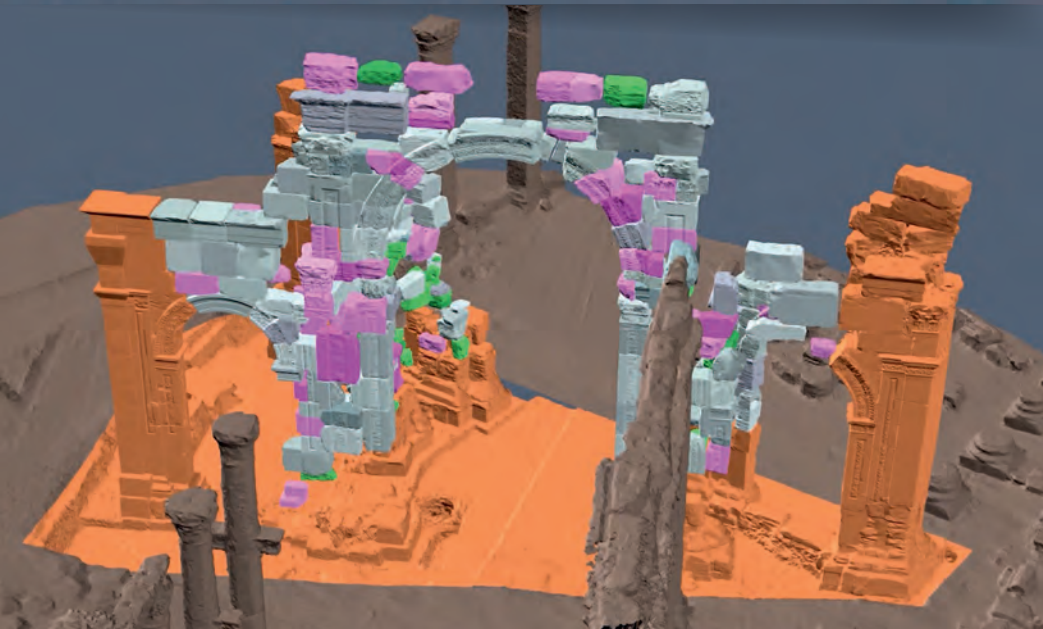
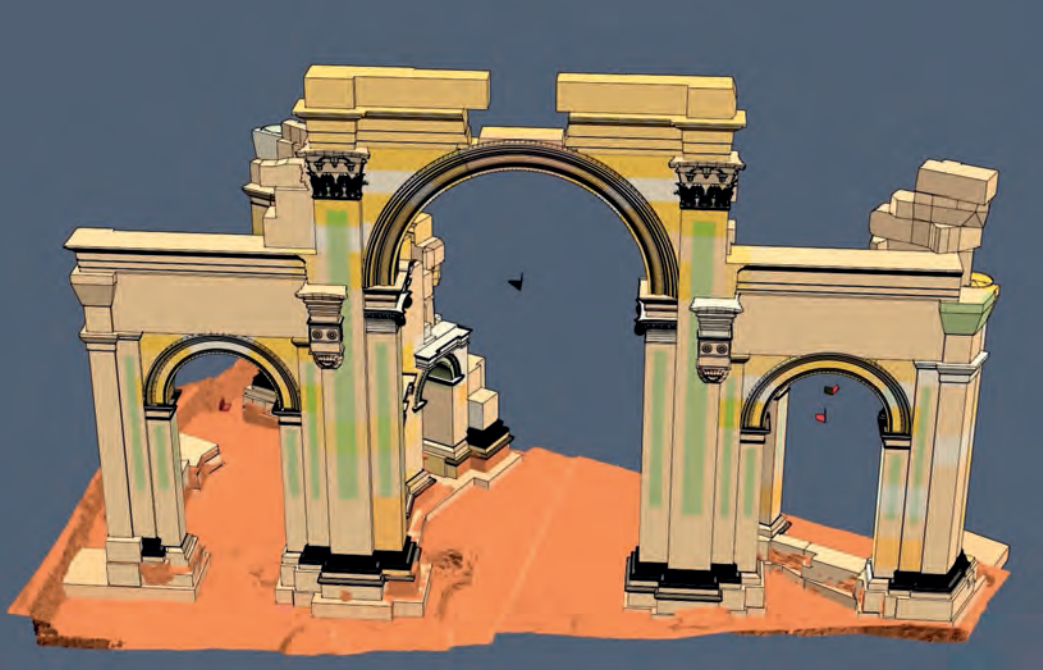

9.
**Триумфальная Арка
с открытыми в результате
раскопок объектами.**
*Фотография ЦСА ИИМК РАН
2022 г.*

Triumphal Arch with objects
opened as a result of the
excavations.
*Photo of the RAC of the IHMC RAS,
2022*

10.

**Цифровая реконструкция
Триумфальной Арки до взрыва**

Digital reconstruction
of the Triumphal Arch
before the explosion

11.

**Цифровая реконструкция
Триумфальной Арки после
проведения реставрации**

Digital reconstruction
of the Triumphal Arch
after the restoration

12.

**Реконструкция исторического
облика Триумфальной Арки
Пальмиры
(по М. Атаянцу)**

Reconstruction of the historical
appearance of Palmyra's
Triumphal Arch
(according to M. Atayants)

13.

Защита проекта 11 апреля 2023 г. на объединённом заседании Учёных советов ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа и МАРХИ.

Фотография ЦСА ИИМК РАН

Defense of the project on April 11, 2023 at the joint meeting of the Academic Councils of the IHMC RAS, the State Hermitage Museum and the Moscow Architectural Institute.

Photo of the RAC of the IHMC RAS

14.

Защита проекта 25 мая 2023 г. в Дамаске.

Фотография ЦСА ИИМК РАН

Defense of the project on May 25, 2023 in Damascus.

Photo of the RAC of the IHMC RAS

Полученные данные позволили заполнить лакуны в сведениях об Арке и разработать основные методы и подходы предстоящей реставрации, которые были положены в основу проекта реставрации Триумфальной Арки Пальмиры.

№ 13 11 апреля 2023 г. на объединённом заседании Учёных советов ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа и МАРХИ проект получил высокую оценку российской научной и культурной общественности (рис. 13).

№ 14 25–26 мая 2023 г. защита проекта состоялась в Дамаске. Присутствовавшие на совещании международные эксперты высоко оценили проведённую российскими специалистами работу (рис. 14).

В соответствии с международными правилами проект был направлен в ЮНЕСКО. 31 августа 2023 г. получено положительное заключение ЮНЕСКО, в котором, в частности, отмечено, что «эту аналитическую и исследовательскую работу можно считать образцовой..., [она] является важным ориентиром с точки зрения установления стандартов для такой дальнейшей работы как в Пальмире, так и за её пределами». Указанное заключение является не просто признанием высочайшего уровня российских специалистов, но и политической победой России в современных условиях.

Выполнение столь большого объёма работы в столь короткий срок стало возможным благодаря поддержке Минобрнауки России, Минобороны России, Национального центра управления обороной Российской Федерации, Группировки войск (сил) ВС РФ в САР, корпорации «Росатом», Русского географического общества и Посольства России в Сирии.

После защиты проекта в Дамаске состоялись российско-сирийские рабочие совещания по вопросам проведения реставрационных работ, на которых был утверждён план работы: начало реставрации было запланировано на сентябрь 2023 г. По оценкам специалистов ЦСА ИИМК РАН, реставрация продлится три года.

Реставрация Триумфальной Арки Пальмиры – самый знаковый и амбициозный международный проект. Его качественное выполнение объединёнными усилиями России и Сирии навсегда останется в истории, поднимет престиж российской и сирийской науки и школ реставрации, а разработанные в процессе подготовки проекта научные подходы могут быть использованы при реставрации других объектов мирового культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

- Михаловский К., Дзевановский А. Пальмира. Варшава: Аркады, 1968. 120 с.
- Amy R. Premières restrations de l'Arc monumental de Palmyre // Syria. 1933. Vol. 14. № 4.

On April 11, 2023 the project was highly appraised by the Russian scientific and cultural community at a joint meeting of the Academic Councils of the IHMC RAS, the State Hermitage Museum and the Moscow Architectural Institute (**Fig. 13**).

13

On 25–26 May 2023 the project was presented in Damascus. The international experts present at the meeting highly appreciated the work carried out by Russian specialists (**Fig. 14**).

14

In accordance with international regulations, the project was sent to UNESCO. On August 31, 2023, a positive UNESCO opinion was received, noting in particular that: “this analytical and research work can be considered exemplary..., [it] is an important benchmark in terms of setting standards for such future work both in Palmyra and beyond”. This opinion is not just recognition of the highest level of Russian specialists but also a political victory of Russia in the current conditions.

The performance of such a large amount of work within such a short period of time was made possible owing to the support of the Russian Ministry of Education and Science, the Russian Ministry of Defense, the National Defense Management Center of the Russian Federation, the Russian Armed Forces Grouping in the SAR, Rosatom Corporation, the RGS and the Russian Embassy in Syria.

The defense of the project in Damascus was followed by Russian-Syrian working meetings to discuss the restoration work, at which the work plan was approved: the restoration is scheduled to begin in September 2023. The restoration will last for three years, according to the estimates of specialists from the RAC of the IHMC RAS.

THE RESTORATION OF THE TRIUMPHAL ARCH OF PALMYRA IS THE MOST LANDMARK AND AMBITIOUS INTERNATIONAL PROJECT. ITS QUALITY PERFORMANCE BY THE JOINT EFFORTS OF RUSSIA AND SYRIA WILL FOREVER REMAIN IN HISTORY, WILL RAISE THE PRESTIGE OF THE RUSSIAN AND SYRIAN SCIENCE AND RESTORATION SCHOOLS, AND THE SCIENTIFIC APPROACHES DEVELOPED DURING THE PROJECT PREPARATION CAN BE USED IN THE RESTORATION OF OTHER WORLD CULTURAL HERITAGE SITES.

REFERENCES

Mikhailovsky, K., Dzevanovsky, A., Pal'mira. Varshava: Arkady, 1968. 120 p.

Amy R. Premières restaurations de l'Arc monumental de Palmyre // Syria. 1933. Vol. 14. № 4.

2024

165 лет
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

1859

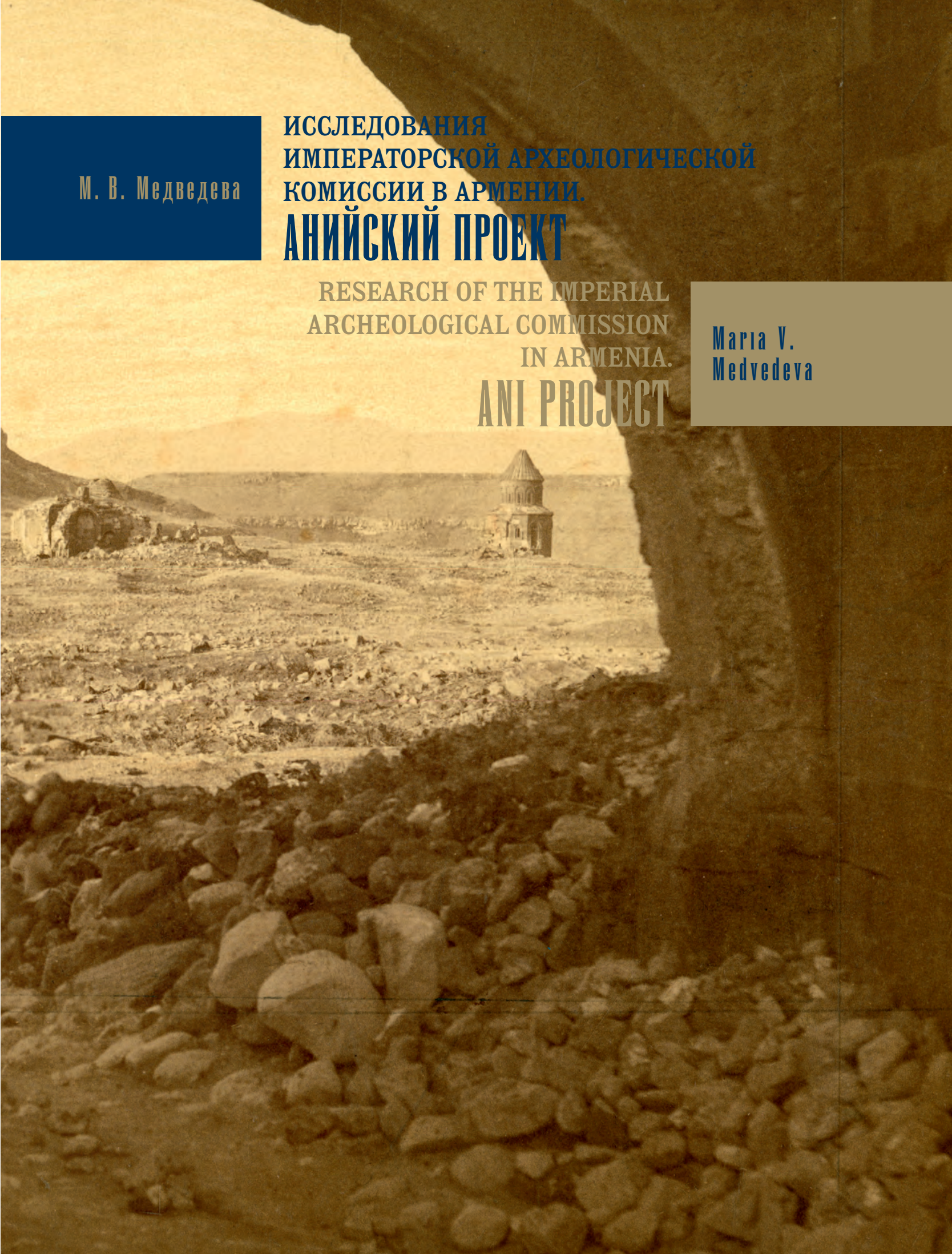
М. В. Медведева

ИССЛЕДОВАНИЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ В АРМЕНИИ.
АНИЙСКИЙ ПРОЕКТ

RESEARCH OF THE IMPERIAL
ARCHEOLOGICAL COMMISSION
IN ARMENIA.

ANI PROJECT

Maria V.
Medvedeva

№ 1, 2

№ 4

№ 3

№ 5–8

№ 9, 10

№ 11

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АРМЕНИИ ИМЕЕТ БОЛЕЕ ЧЕМ СТО-
 ЛЕТНЮЮ ИСТОРИЮ. Императорская археологическая комиссия включи-
 лась в этот процесс в 1880-е гг., в период активной интеграции Кавказа в со-
 став Российской империи (Рысин, Стеганцева, 2019). В 1886 г. председателем ИАК
 становится граф А. А. Бобринской. С его приходом значительно расширились сферы
 влияния ИАК и география археологических исследований, проводившихся под эги-
 idou учреждения, в том числе начались и исследования в «Русской Армении». Раскоп-
 ки там по поручению Императорской археологической комиссии охватывали памят-
 ники разных хронологических эпох и проводились как местными энтузиастами, так
 и специалистами из Петербурга. Пионером этих работ оказался сам А. А. Бобри-
 нской: в 1891 г. он произвёл раскопки погребений поздней бронзы – раннего железа
 в «Редкином лагере» около Дилижана. В том же году в поисках перспективного места
 для организации систематических археологических исследований на территории За-
 кавказья председатель ИАК посетил развалины древнего городища Ани – знамени-
 той столицы средневекового армянского царства (рис. 1, 2). Уже на следующий год
 (1892 г.) в город «Тысяча Одной Церкви» был командирован от ИАК молодой приват-
 доцент Санкт-Петербургского университета Н. Я. Марр (рис. 4). Первые исследова-
 ния в Ани сразу же принесли интересные и многообещающие научные результаты
 (рис. 3). Анийская экспедиция продолжалась до 1917 г. и стала главным предприятием
 ИАК в Закавказье.

Всего под руководством Н. Я. Марра состоялось шестнадцать полевых сезонов.
 Анийская комплексная архитектурно-археологическая экспедиция проделала ко-
 лоссальный объём работ (Марр, 1934). Сотрудники раскапывали и изучали храмы,
 монументальную живопись и элементы декора, крепостную архитектуру, пещерные
 сооружения, гражданские постройки разного назначения и городскую топогра-
 фию, древние надписи, предметы материальной культуры, занимались архитектур-
 ными обмерами и спасательным ремонтом объектов, которым грозило разрушение
 (рис. 5–8). В Анийском путеводителе 1910 г. на план городища были нанесены более
 двухсот пунктов, зданий и крепостных сооружений, замечательных в историческом
 и археологическом отношении (Орбели, 1910).

Интересы Н. Я. Марра и представляемой им на Кавказе Императорской архео-
 логической комиссии не ограничивались анийскими памятниками. Он обследовал
 древние могильники и циклопические крепости на горе Арагац и произвёл раскопки
 Ворнакского могильника, начал изучение древнейшего поселения Двин (рис. 9, 10).
 Членами экспедиции во время полевых сезонов обмерялись, описывались и фотогра-
 фировались памятники средневековой армянской архитектуры не только в окрестно-
 стях Ани, но и в Эриванской губернии и в Ванской области. Особое внимание было
 уделено языческому храму в Гарни и Ереруйкской базилике.

В начале XX в. на базе экспедиции благодаря энергичным усилиям Н. Я. Марра
 открылся Анийский музей древностей. В двух отделениях хранилось и демонстриро-
 валось несколько тысяч сделанных в процессе раскопок находок и архитектурно-эпи-
 графических древностей (рис. 11). При музее находились библиотека, ремесленные
 и реставрационные мастерские, фотолаборатория. Музей вёл активную издательскую
 и просветительскую деятельность, в том числе печатал открытки с видами анийских
 памятников и ландшафтов.

1.

Ани.

**Вид из-под главных
крепостных ворот.**
ФО НА ИИМК РАН.

Отт. Q 687/3

Ani.

**View from under the main
fortress gate.**

*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Print Q 687/3*

THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF ARMENIA HAS MORE THAN A HUNDRED-YEAR HISTORY. The Imperial Archaeological Commission became involved in this process in the 1880-s, during the period of active integration of the Caucasus into the Russian Empire (Rysin, Steganceva, 2019). In 1886, Count A. A. Bobrinsky became the chairman of the IAC. With his arrival, the spheres of influence of the IAC and the geography of the archaeological research conducted under the auspices of the institution expanded significantly, including the beginning of research in the “Russian Armenia”. Excavations there under the instruction of the Imperial Archaeological Commission covered monuments of different chronological epochs and were carried out by both local enthusiasts and specialists from St. Petersburg. The pioneer of this work was A. A. Bobrinsky himself: in 1891, he excavated burials of the Late Bronze – Early Iron Age in the “Redkin Camp” near Dilijan. The same year, in search of a promising place for systematic archaeological research in the territory of Transcaucasia, the chairman of the IAC visited the ruins of the ancient settlement of Ani, the famous capital of the medieval Armenian kingdom (**Fig. 1, 2**). The next year (1892) N. Ya. Marr, a young privat-docent of St. Petersburg University, was sent to the city of “One Thousand One Church” from the IAC (**Fig. 4**). The first research in Ani immediately brought interesting and promising scientific results (**Fig. 3**). The Ani expedition continued until 1917 and became the IAC’s main enterprise in Transcaucasia.

1, 2

4

3

In total, sixteen field seasons took place under the direction of N. Ya. Marr. The Ani complex architectural and archaeological expedition did a tremendous job (Marr, 1934). The staff members excavated and studied temples, monumental paintings and elements of decoration, fortress architecture, cave structures, civil buildings of various purposes and urban topography, ancient inscriptions, objects of material culture; they carried out architectural measurements and rescue repair of objects threatened with destruction (**Fig. 5–8**). More than two hundred points, buildings and fortress structures, remarkable in historical and archaeological terms, were mapped on the plan of the settlement in the Ani guidebook of 1910 (Orbeli, 1910).

5–8

The interests of N. Ya. Marr and the Imperial Archaeological Commission represented by him in the Caucasus were not limited to the Ani monuments. He investigated ancient burial grounds and cyclopean fortresses on Mount Aragats, excavated the Vornak burial ground and began studying the ancient settlement of Dvin (**Fig. 9, 10**). During the field seasons the members of the expedition measured, described and photographed monuments of medieval Armenian architecture both in the vicinity of Ani and in Erivan province and Van region. Special attention was paid to the pagan temple in Garni and the Yereruyk basilica.

9, 10

ни.) Видъ ^{съ} ~~съ~~ Вышгорода.
(Городище.)

426. ~~Участники десятой аниийской~~
Участники ~~десятой аниийской~~ кампании у крепостных стен
Ани. 1911 г. В центре – Н. Я. Марр.
ФО НА ИИМК РАН.

2.
Аниийское городище.
Вид с Вышгорода.
Из серии «Открытых писем»,
издаваемых Аниийским музеем
древностей.
ФО НА ИИМК РАН.
Отп. О. 749/1

Ani ancient settlement.
View from Vyshgorod.
From the series of the Open Letters
published by the Ani Museum of
Antiquities.
Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Print O. 749/1

3.
Ани.
Раскопки храма Бахтагека.
1892 г.
Фото Н. Я. Марра.
ФО НА ИИМК РАН.
Отп. Q 738/3

Ani.
Excavations of the Bakhtagek
Temple. 1892.
Photo by N. Ya. Marr.
Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Print Q 738/3

4.
Участники десятой аниийской
кампании у крепостных стен
Ани. 1911 г.
В центре – Н. Я. Марр.
ФО НА ИИМК РАН.
Отп. О. 1067/24

Participants of the tenth Ani
campaign at the fortress walls
of Ani. 1911.
In the center: N. Ya. Marr.
Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Print O. 1067/24

5.

Ани.

Раскопки гостиницы. 1908 г.

ФО НА ИИМК РАН.

Отт. Q 719 / 30

Ani. Excavations of the hotel.
1908.

*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Print Q 719/30*

6.

Ани.

**Раскопки на участке с древним
водопроводом. 1910 г.**

ФО НА ИИМК РАН.

Отт. O. 195 / 25

Ani.

Excavations on the area with
an ancient water conduit. 1910.

*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Print O. 195/25*

7.

Ани.

**Раскопки квартала жилых
домов. 1913 г.**

ФО НА ИИМК РАН.

Отт. Q 719 / 41

Ani.

Excavations of a block
of residential houses. 1913.

*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Print Q 719/41*

8.

Ани.

**Церковь Абухамрентц
во время ремонта.**

ФО НА ИИМК РАН.

Отт. Q 755 / 21

Ani.

Church of Abughamrentz
during the repair.

*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Print Q 755/21*

Масштабные работы в Ани поддерживались не только ИАК, но и Академией наук, Советом по управлению имуществами армянских церквей в Санкт-Петербурге; солидные суммы поступали также из частных пожертвований. Финансовые вложения ИАК были не самыми крупными в этом списке, но Комиссия обладала весьма значительными административными ресурсами в системе научных учреждений Российской империи. ИАК покровительствовала Анийской экспедиции на протяжении всех лет и успешно содействовала её продвижению в научном и организационном плане. Так, в результате длительной официальной переписки (1905–1911 гг.) ИАК и лично графа А. А. Бобринского с Министерством внутренних дел и Департаментом государственных земельных имуществ, с Кавказским наместником и с Военным губернатором Каресской области Анийское городище перестало использоваться как пастбище. В 1908 г. специальная комиссия произвела размежевание земель. Территория археологического объекта была изъята из «казённой оброчной статьи» государства, и для наилучшего сохранения памятников «христианской древности» Анийское городище и музей поступили в ведение Императорской археологической комиссии. Постепенно в соответствии с планом Н. Я. Марра весь Ани стал превращаться в рационально организованный музей-заповедник под открытым небом. Кроме того, со временем музей вырос в Анийский археологический институт – первое научно-исследовательское учреждение на территории Армении. Обосновывая необходимость учреждения Института, Н. Я. Марр особо подчеркнул роль ИАК в развитии систематического изучения культурно-исторического наследия Армении (Марр, 1910. С. 442).

К несчастью, деятельность столь плодотворного и быстро развивающегося Анийского проекта была радикальным образом прервана событиями Первой мировой войны. Бесследно исчезла и большая часть вещественных и документальных коллекций Анийской экспедиции в процессе эвакуации в безопасное место.

В заключение надо заметить, что Н. Я. Марру благодаря его невероятной харизме как учёного и природному чутью удалось собрать в составе Анийской экспедиции блестящий коллектив сотрудников. В Анийских кампаниях принимали участие талантливые коллеги Н. Я. Марра наряду с начинающими специалистами и студентами (рис. 12). К 1910-м гг. в Ани работала сложившаяся научная команда, в которой были представлены архитекторы, археологи, востоковеды, историки искусства. Основным помощником руководителя экспедиции стал И. А. Орбели. В разные сезоны там побывали Я. И. Смирнов, В. В. Бартольд, Б. А. Тураев, Н. Г. Буниатов, Т. А. Тораманян, К. К. Романов, Н. П. Сычёв, Н. Л. Окунев, Н. М. Токарский, А. П. Удаленков, Д. Кипшидзе, Г. Н. Чубинов, А. Калантар, С. Н. Полторацкий, П. Е. Княгницкий, Н. Н. Тихонов и др. Почти все они достигли немалых успехов в науке. Поэтому одной из важных заслуг Анийской экспедиции следует признать воспитание целой плеяды выдающихся учёных-кавказоведов, в том числе и лидеров будущих национальных школ археологии, этнографии, истории искусства и архитектуры. Именно ученики Н. Я. Марра в советское время продолжили так успешно начатые в конце XIX в. при поддержке ИАК систематические исследования археологических памятников Армении.

In the early 20th century, the Ani Museum of Antiquities was opened on the basis of the expedition owing to the energetic efforts of N.Ya. Marr. Several thousand finds and architectural and epigraphic antiquities from the excavations were stored and displayed in two departments (**Fig. 11**). The museum had a library, craft and restoration workshops, and a photo laboratory. The museum was actively involved in publishing and educational activities, including printing of postcards with views of Ani monuments and landscapes.

11

The large-scale work in Ani was supported both by the IAC and by the Academy of Sciences, the Council for the Management of the Properties of Armenian Churches in St Petersburg; substantial amounts also came from private donations. The financial investments of the IAC were not the largest in this list, but the Commission had very significant administrative resources in the system of scientific institutions of the Russian Empire. The IAC patronized the Ani expedition throughout the years and successfully contributed to its scientific and organizational advancement. As a result of a long official correspondence (1905–1911) between the IAC and personally Count A. A. Bobrinsky with the Ministry of Internal Affairs and the Department of State Land Properties, the Governor of the Caucasus and the Military Governor of the Kars region, the Ani settlement was no longer used as a pasture. In 1908, a special commission carried out land demarcation. The territory of the archaeological site was withdrawn from the “state-owned rentable property” of the state, and for the best preservation of the monuments of “Christian antiquity” the Ani ancient settlement and the museum came under the supervision of the Imperial Archaeological Commission. In accordance with the plan of N.Ya. Marr, the whole of Ani gradually started turning into a rationally organized open-air museum-reserve. In addition, over time the museum grew into the Ani Archaeological Institute, the first scientific research institution in Armenia. Substantiating the necessity of establishing the Institute, N.Ya. Marr emphasized the role of the IAC in the development of systematic study of the cultural and historical heritage of Armenia (Marr, 1910. P. 442).

Unfortunately, the activities of such a fruitful and rapidly developing Ani project were radically interrupted by the events of the First World War. Most of the material and documentary collections of the Ani expedition were also lost beyond recall during the evacuation to safety.

IN CONCLUSION, IT SHOULD BE NOTED THAT OWING TO HIS INCREDIBLE CHARISMA AS A SCIENTIST AND HIS INSTINCT, N.YA. MARR MANAGED TO GATHER A BRILLIANT TEAM OF STAFF MEMBERS IN THE ANI EXPEDITION. N.YA. MARR'S TALENTED COLLEAGUES ALONG WITH NOVICE SPECIALISTS AND STUDENTS TOOK PART IN THE ANI CAMPAIGNS (**Fig. 12**). BY THE 1910-S, A FULLY-FORMED SCIENTIFIC TEAM WAS WORKING IN ANI, INCLUDING ARCHITECTS, ARCHAEOLOGISTS, ORIENTALISTS, AND ART HISTORIANS. THE MAIN ASSISTANT OF THE HEADER OF THE EXPEDITION WAS I. A. ORBELI. IN DIFFERENT SEASONS THE PLACE WAS VISITED BY YA. I. SMIRNOV, V. V. BARTOLD, B. A. TURAEV, N. G. BUNIATOV, T. A. TORAMANYAN, K. K. ROMANOV, N. P. SYCHEV, N. L. OKUNEV, N. M. TOKARSKY, A. P. UDALENKOV, D. KIPSHIDZE, G. N. CHUBINOV, A. KALANTAR, S. N. POLTORATSKY, P. E. KNYAGNITSKY, N. N. TIKHONOV AND OTHERS. ALMOST ALL OF THEM ACHIEVED CONSIDERABLE SUCCESS IN SCIENCE. THEREFORE, IT MUST BE ADMITTED THAT ONE OF THE IMPORTANT CONTRIBUTIONS OF THE ANI EXPEDITION WAS BUILDING OF A WHOLE PLEIAD OF OUTSTANDING CAUCASIAN SCHOLARS, INCLUDING LEADERS OF FUTURE NATIONAL SCHOOLS OF ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY, HISTORY OF ART AND ARCHITECTURE. IT WAS N.YA. MARR'S PUPILS WHO IN THE SOVIET TIME CONTINUED THE SYSTEMATIC RESEARCH OF ARCHEOLOGICAL MONUMENTS OF ARMENIA SO SUCCESSFULLY STARTED IN THE LATE 19TH CENTURY WITH THE SUPPORT OF THE IAC.

12

9.
**Раскопки Ворнакского
 могильника Н. Я. Марром
 в 1893 г.**
ФО НА ИИМК РАН. Neg. III 170

Excavations of the Vornak burial
 ground by N. Ya. Marr in 1893.
 Photo Collection of the SA
 of the IHMC RAS. Neg. III 170

10.

**План развалин
древнего города Двин.**

Сост. Хр. Ачарян к разведочным
раскопкам Н. Я. Марра в 1899 г.
РО НА ИИМК РАН.

Ф. 1. Оп. 1. 1899. Д. 119. Л. 33а

**Plan of the ruins
of the ancient town of Dvin.**

Compiled by Hr. Acharian
for the exploratory excavations
by N. Ya. Marr in 1899.

*MD of the SA of the IHMC RAS.
F. 1. Inv. 1. 1899. File 119. Sh. 33a*

11.

**1 отделение Анийского музея
древностей.**

Стоит Н. Я. Марр.

Фото Лалаянца, 1906 г.
ФО НА ИИМК РАН.

Опт. Q 473 / 17

**1st department of the Ani Museum
of Antiquities.**

N. Ya. Marr is standing.

Photo by Lalayants, 1906.
Photo Collection of the SA

of the IHMC RAS. Print Q 473/17

ЛИТЕРАТУРА

- Рысин М. Б., Стеганцева В. Я.** Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / А. Е. Мусин, М. В. Медведева (науч. ред.-сост.). Т. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 921–1056.
- [**Март Н. Я.**] Об учреждении Анийского Археологического Института // *Mélanges asiatiques. Tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg.* Т. XIV (1909–1910). St.-Petersbourg, 1910. С. 438–444.
- Март Н. Я.** Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.: М.: Соцэкгиз, 1934. XII, [2]. 133 с.
- Орбели И. А.** Краткий путеводитель по городищу Ани. Анийская серия № 4. СПб.: Тип. Имп. АН, 1910. 60 с.

REFERENCES

- [Marr N. Ja.] Ob uchrezhdenii Anijskogo Arheologicheskogo Instituta // Mélanges asiatiques. Tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. T. XIV (1909–1910). St.-Petersbourg, 1910. S. 438–444 (in Russian).
- Marr N. Ja. Ani. Knizhnaja istorija goroda i raskopki na meste gorodishha. L.; M.: “Socjkgiz” Publ., 1934. XII, [2]. 133 s. (in Russian).
- Orbeli I. A. Kratkij putevoditel' po gorodishhu Ani. Anijskaja serija № 4. SPb.: “Tip. Imp. AN” Publ., 1910. 60 s. (in Russian).
- Rysin M. B., Steganceva V. Ja. Imperatorskaja arheologicheskaja komissija i issledovanie pamjatnikov Kavkaza i Predkavkaz'ja. In: Imperatorskaja arheologicheskaja komissija (1859–1917): istorija pervogo gosudarstvennogo uchrezhdenija rossijskoj arheologii ot osnovanija do reformy / A. E. Musin, M. V. Medvedeva (eds.). T. 2. SPb.: “IIMK RAN” Publ., 2019. S. 921–1056 (in Russian).

12.

Участники десятой анийской кампании за обедом.

Слева направо:

**студент Г. Гапанцян,
художник С. Н. Полторацкий,
историки искусства
Н. П. Сычёв и Н. Л. Окунев,
руководитель экспедиции
Н. Я. Марр, его сын В. Марр,
фотограф А. М. Вруйр,
неизвестный, А. А. Марр.**

1911 г.

ФО НА ИИМК РАН.

Нег. II 20207

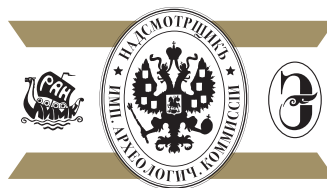
Participants of the X Ani campaign at dinner.

From left to right:

**student G. Gapantsyan,
artist S. N. Poltoratsky,
art historians N. P. Sychev and
N. L. Okunev,
leader of the expedition
N. Ya. Marr, his son V. Marr,
photographer A. M. Vruyr,
unknown person, A. A. Marr.**

1911.

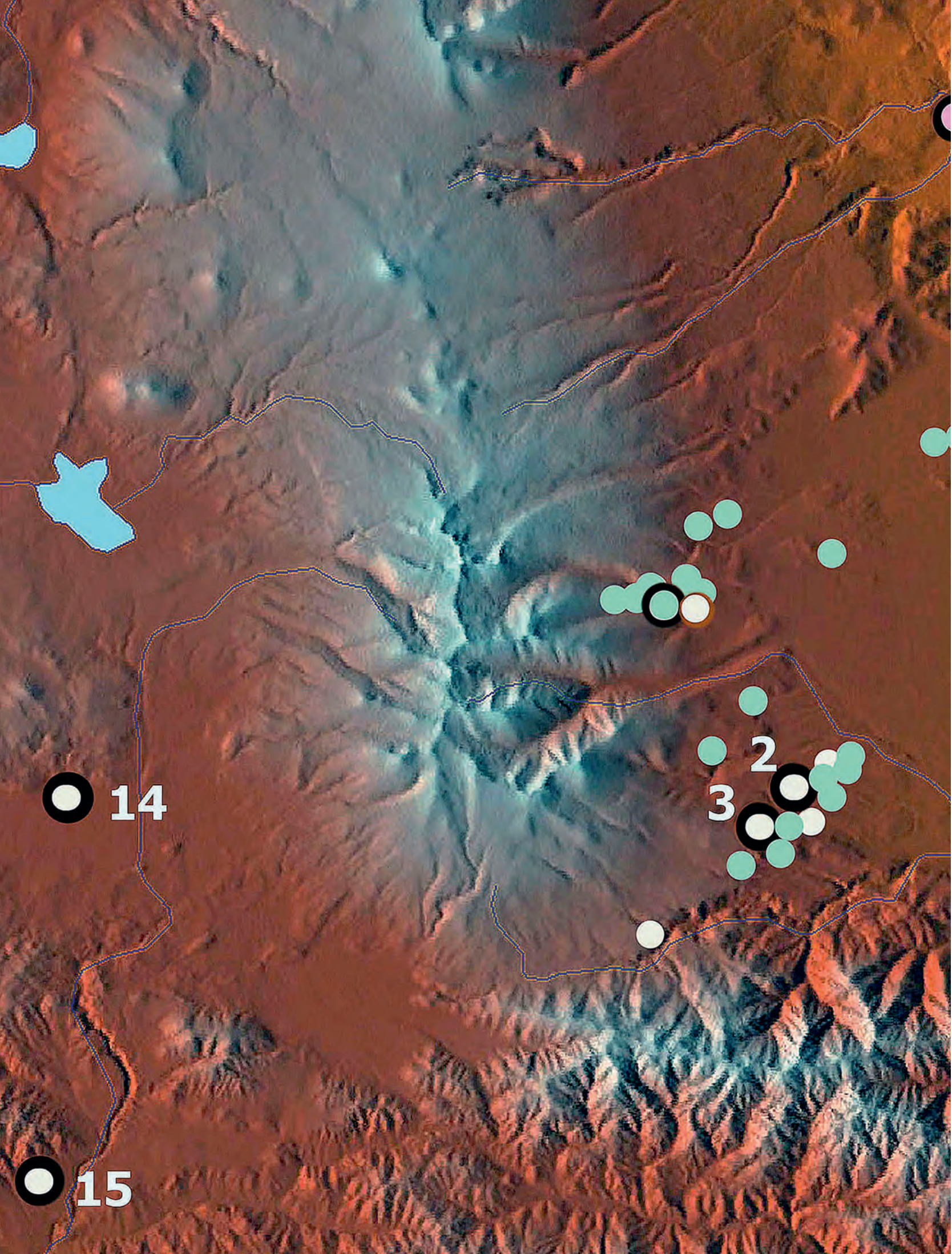
*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Neg. II 20207*

2024

165 лет
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

1859

1

Е. В. Беляева

ВКЛАД АРМЯНО-РОССИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В ИЗУЧЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОГО КАВКАЗА В РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

CONTRIBUTION

OF THE ARMENIAN-RUSSIAN EXPEDITION

TO THE STUDY
OF THE INITIAL OCCUPATION
OF THE SOUTH CAUCASUS
IN THE EARLY PALEOLITHIC

Elena V.
Belyaeva

4

Степанаван

5

6

7

8

9

11-13

10

№ 1: А

№ 1: Б

№ 1: Б

1.

А. Карта Кавказского перешейка с указанием границ Закавказского нагорья (красный пунктир) и района исследований Армяно-Российской экспедиции, представленного на рис. 1: Б (чёрный прямоугольник).

Б. Карта Лорийской котловины и прилегающих территорий:

I – олдованская стоянка Дманиси (№ 1);

II – позднеашельские памятники;

III – местонахождения с ранне-среднеашельскими изделиями;

IV – стратифицированные памятники с ранне-среднеашельскими изделиями: 2 – Карахач; 3 – Мурадово; 4 – Лернаовит; 5 – Агорак;

6 – Ягдан; 7 – Кармир-Ахек; 8 – Куртан I; 9 – Куртан II; 10 – Агви;

11–13 – Ардvi 1–3; 14 – Агворик; 15 – Джрадзор

A. Map of the Caucasian Isthmus with boundaries of the Transcaucasian Uplands (red dotted line) and the area of research of the Armenian-Russian expedition shown in Fig. 1: B (black rectangle).

B. Map of the Lori Basin and adjacent territories:

I – Oldowan site Dmanisi (No. 1);

II – Late Acheulian sites;

III – Locations with Early-Middle Acheulian artifacts;

IV – stratified sites with Early-Middle Acheulean artifacts:

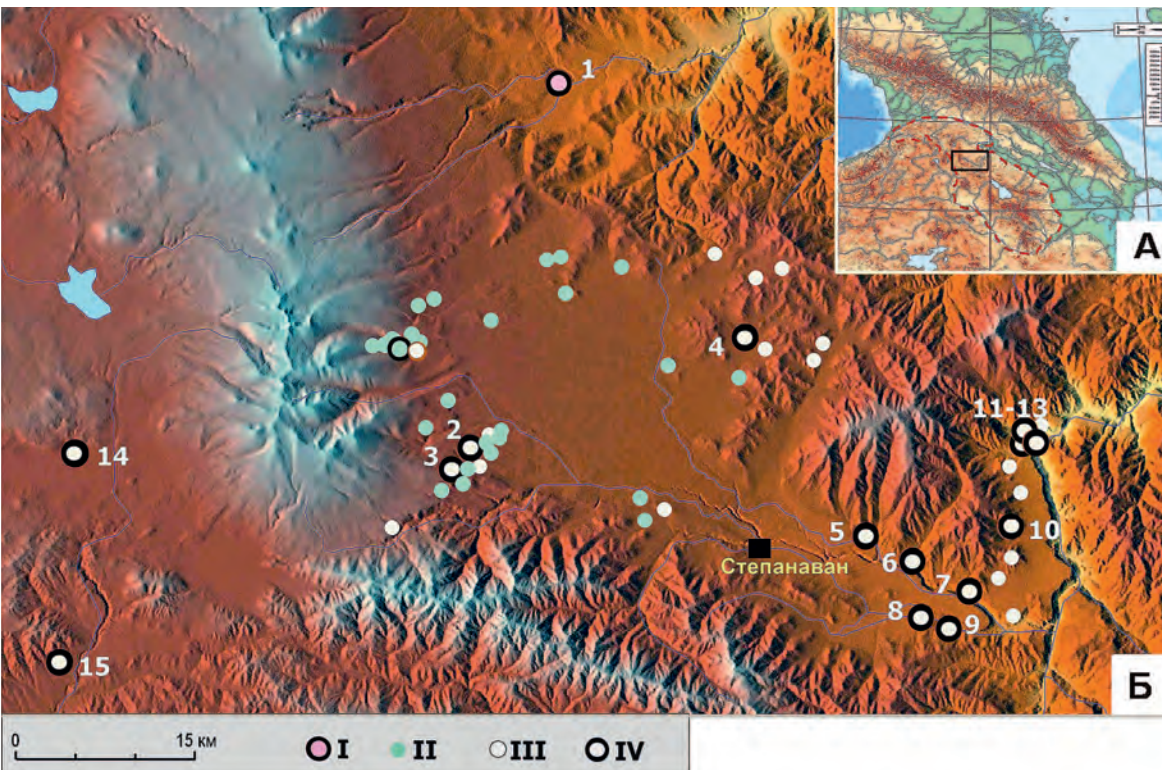
2 – Karakhach; 3 – Muradovo; 4 – Lernahovit; 5 – Agorak;

6 – Yagdan; 7 – Karmir Aghek; 8 – Kurtan I; 8 – Kurtan II; 10 – Agvi;

11–13 – Ardvi 1–3; 14 – Agvorik; 15 – Jradzor

РАНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИМ ПЕРИОДОМ ПРЕИСТОРИИ, В КОТОРОМ ПРОИСХОДИЛО НЕ ТОЛЬКО ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА И ЕГО КУЛЬТУРЫ, НО И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАССЕЛЕНИЕ РАННИХ ЛЮДЕЙ ИЗ ИХ АФРИКАНСКОЙ ПРАРОДИНЫ В РАЗНЫЕ РЕГИОНЫ ЕВРАЗИИ. К числу таких регионов относится и Кавказ, куда раннепалеолитические люди продвигались с юга, через Закавказское нагорье (рис. 1: А). Большая часть данной вулканической области лежит в пределах Армении, а окраины принадлежат Азербайджану и Грузии. Исследования памятников раннего палеолита в этих странах велись с середины XX в. при участии российских археологов, включая сотрудников Института истории материальной культуры РАН. К концу прошлого века материалы стоянки Дманиси на юге Грузии (рис. 1: Б) показали, что уже около 1,8 млн лет назад в регион Южного Кавказа проникли создатели примитивной олдованской индустрии. Несмотря на это, прочие выявленные там раннепалеолитические памятники содержали индустрии ашельского типа с хорошо отделанными рубилами и другими крупными и мелкими орудиями. Они указывали на широкое освоение рассматриваемой территории не ранее 400 тыс. лет назад, на этапе позднего ашеля (Любин, 1998).

Работы Армяно-Российской археологической экспедиции, начатые в 2003 г. на севере Закавказского нагорья (Армения, Лорийская котловина), позволили кардинально изменить прежние представления о первоначальном заселении Южного Кавказа. Усилиями палеолитического отряда этой экспедиции, включавшего сотрудников ИИМК РАН (В. П. Любин, Е. В. Беляева, Е. М. Колпаков), в течение 20 лет удалось открыть в данном районе около 50 ашельских памятников (рис. 1: Б). Большая их часть представлена индустриями позднего ашеля, однако наряду с ними были впервые обнаружены и памятники с намного более древними ашельскими индустриями (Беляева, Любин, 2013; 2019).

1: A

1: B

1: B

THE EARLY PALEOLITHIC IS A FOUNDATIONAL PERIOD OF PREHISTORY CHARACTERIZED BY BOTH THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MANKIND AND ITS CULTURE AS WELL AS BY THE INITIAL DISPERSAL OF EARLY HUMANS FROM THEIR AFRICAN HOMELAND TO DIFFERENT REGIONS OF EURASIA. One of these regions was the Caucasus where the Early Paleolithic humans were moving to from the south, through the Transcaucasian Uplands (Fig. 1: A). Most of this volcanic area lies within Armenia, while the outskirts belong to Azerbaijan and Georgia. Studies of Early Paleolithic sites in these countries were carried out from the mid-20th century with the participation of Russian archaeologists, including staff members of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. By the end of the last century, materials from the Dmanisi site in the south of Georgia (Fig. 1: B) showed that the creators of the primitive Oldowan industry had already penetrated into the South Caucasus region about 1.8 Ma. However, other Early Paleolithic sites revealed there contained Acheulean-type industries with carefully treated handaxes and other large and small tools. They indicated that the wide settlement of the area under consideration happened not earlier than 400 thousand years ago, during the Late Acheulean period (Lyubin, 1998).

The work of the Armenian-Russian archaeological expedition which began in 2003 in the north of the Transcaucasian Uplands (Armenia, Lori Basin) led to radical changes of the previous ideas about the initial settlement of the South Caucasus. Over 20 years the Paleolithic group of this expedition including the staff members of the IHMC RAS (V.P. Lyubin, E.V. Belyaeva, E.M. Kolpakov) had discovered about 50 Acheulean sites in this area (Fig. 1: B). Most sites yielded Late Acheulean industries, but along with them, sites with much older Acheulean industries have been found for the first time too (Belyaeva, Lyubin, 2013; 2019).

Б

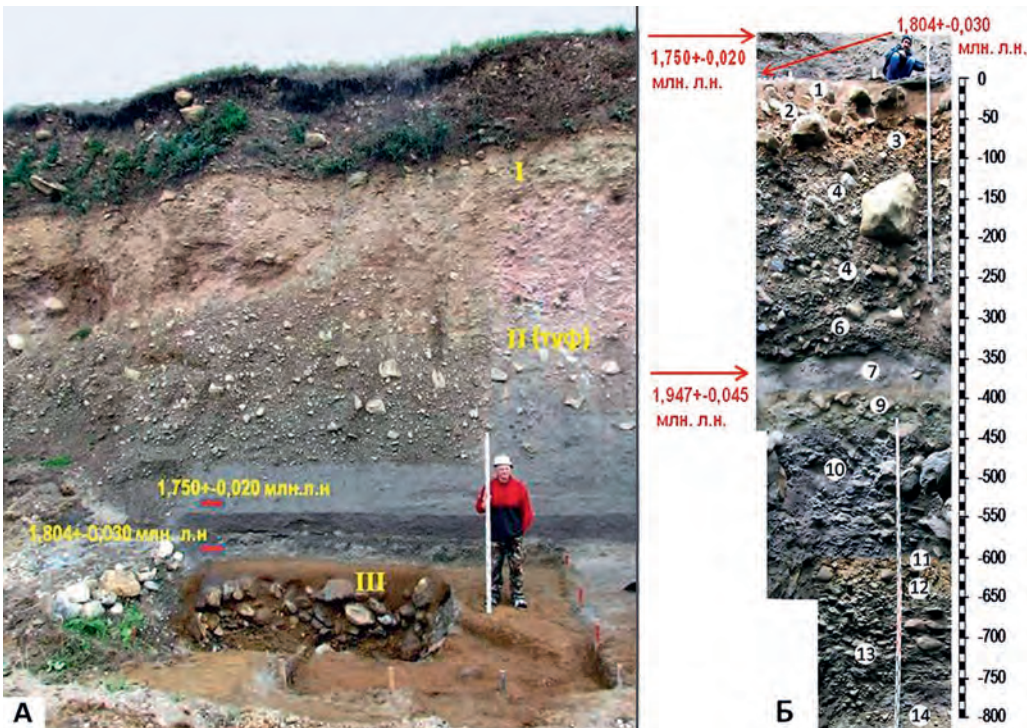
2.

Ягдан.

- А. Разрез последовательности палеопочв, перекрытых потоком базальтов.
- Б. Рубило, найденное в верхней палеопочве

Yagdan.

- А. Section of the paleosol sequence overlain by a basalt flow.
- Б. Handaxe found in the upper paleosol

А

Б

3.

Карахач.

- А. Общий вид на раскоп в пункте 2 и стену карьера с указанием трёх основных пачек отложений и абсолютных датировок.
- Б. Последовательность слоёв в нижней пачке отложений, раскопанной в пункте 2, с указанием абсолютных датировок

Karakhach.

- А. General view of the excavation area in the point 2 and the quarry wall, with indicated three main sediment units and absolute dates.
- Б. Sequence of layers in the lowermost sediment unit excavated in the point 2, with indicated absolute dates

4.
Карахач.
Раскопки нижней пачки
отложений в пункте 2

Karakhach.
Excavations of the lowermost
sediment unit in the point 2

5.
Мурадово.
А. Общий вид на раскоп.
Б. Последовательность слоёв,
изученных в раскопе
в Мурадово

Muradovo.
A. General view
of the excavation area.
B. Sequence of the layers
studied in the excavation area
at Muradovo

- № 2 Об их древности позволяют судить данные, полученные при раскопках стратифицированных памятников, где геологические слои с архаичными ашельскими изделиями (рубила, пики и др.) можно датировать с помощью естественнонаучных методов. Самым ранним является памятник Ягдан, в котором такие изделия залегают в палеопочвах, перекрытых базальтами (рис. 2), изливавшимися около 2 млн лет назад. По возрасту эти изделия соответствуют периоду раннего ашеля, памятники которого до сих пор были известны только в Африке и на Ближнем Востоке. В карьере Карахач более трёх тысяч подобных изделий обнаружены в низах пачки спрессованного вулканического пепла (туф) и в галечно-гравийных слоях и палеопочвах
- № 3, 4 под туфом (рис. 3, 4). Для туфа и линзы пепла в нижележащих отложениях получены несколько абсолютных дат (уран-свинцовый метод), которые вместе с палеомагнитными характеристиками всех слоёв указывают на интервал 1,85–1,77 млн лет назад. Анализ окаменевших остатков растений и палеопочв показал, что в это время раннеашельские обитатели Лорийской котловины жили в условиях субтропического климата и саванноподобных ландшафтов, похожих на те, что существовали тогда в Африке и на Ближнем Востоке. Близкий возраст имеют аналогичные отложения со сходной раннеашельской индустрией (слои 4–9), изученные в близлежащем памятнике Мурадово (рис. 5). Несколько более поздний возраст (около 1,5 млн лет назад) был установлен на основе абсолютных датировок для нижних слоёв, вскрытых в карьере Куртан I (рис. 6, 7), где найдены такие же раннеашельские изделия. Верхние палеопочвы Куртана I (слои 1–3 (рис. 7)), судя по их палеомагнитным показателям, формировались уже около 1,0–0,7 млн лет назад. Обнаруженная в них каменная индустрия имеет несколько более развитый облик, нежели в вышеупомянутых памятниках, и относится к концу периода раннего ашеля и началу среднего ашеля. Аналогично определяются и изделия из верхней палеопочвы Мурадово (слой 3 (рис. 5; Б)), которая является аналогом верхних палеопочв Куртана I. Климат в это время стал прохладнее и возросла площадь лесов.
- № 5 Принадлежность каменных изделий из рассматриваемых памятников Лорийской котловины к единой ашельской индустрии доказана путём сравнительного анализа представительных коллекций из Карахача, Мурадово и Куртана I (Беляева, 2022; Belyaeva, Shchelinsky, 2022). Основная масса орудий изготовлена из плитчатых обломков риолита и риодацита, причём значительной их части намеренно приданы геометризованные очертания. Представлен как разнообразный мелкий инвентарь (скрёбла, скрёбки, острия, долота, струги, зубчато-выемчатые и комбинированные орудия), так и набор присущих ашелю крупных орудий (чопперы, пики, рубила, макроскрёбла, макродолота и макроострия). Доминируют чопперы, макроскрёбла и кирковидные орудия (пики). Наряду с остроконечными пиками имеется большая доля пиков с долотовидным лезвием. Эта индустрия, названная карахачской, имеет свой набор специфических типов: подпрямоугольные и веерообразные чопперы, рубила в форме «домика», брусковидные долота и струги, а также макроножи-«топорики» (рис. 8).
- № 6, 7
- № 7
- № 5: Б
- № 8 Воспроизводство таких типов орудий на протяжении очень длительного времени говорит о том, что в Лорийской котловине сформировалась и развивалась локальная раннеашельская традиция. В верхних палеопочвах Куртана I и в слое 3 Мурадово, возраст которых соответствует уже началу среднего ашеля, происходят некоторые изменения в наборе сырья и утрата отдельных типов орудий, но в целом найденные там изделия отражают поздний этап эволюции карахачской традиции (Беляева, 2022). В последние годы в разных районах Лорийской котловины и на примыкающих к ней участках Ширакской котловины и долины р. Дебед открыты ещё более двух десятков пунктов, где изделия, свойственные этой традиции, найдены как в поверхностном, так и в стратифицированном залегании.

Estimating their ages became possible thanks to the data obtained from the excavations of stratified sites, where the geological layers with the archaic Acheulian artifacts (handaxes, picks etc.) can be dated using natural science methods. The earliest is the Yagdan site, where such artifacts are buried in paleosoils overlain by basalts (**Fig. 2**) erupting about 2 Ma. The age of these lithic tools corresponds to the Early Acheulian period related to which sites have been so far known only in Africa and the Middle East. In the Karakhach quarry, more than three thousand similar artifacts were found at the bottom of the bed of compacted volcanic ash (tuff) and in the gravel layers and paleosoils beneath the tuff (**Figs. 3, 4**). Several absolute dates (uranium-lead (U-Pb) dating method) were obtained for the tuff and the ash lens in the underlying sediments, which, together with the palaeomagnetic characteristics of all layers, indicate the interval of 1.85–1.77 Ma. The analysis of the petrified plant remains and paleosoils has shown that at this time the Early Acheulian inhabitants of the Lori Basin lived in a subtropical climate and savannah-like landscapes resembling those that existed at that time in Africa and the Middle East. Comparable deposits with a similar Early Acheulian industry (layers 4–9) studied in the nearby Muradovo site (**Fig. 5**) are of close age. A somewhat later age (about 1.5 Ma) was established on the basis of absolute dating for the lowermost layers uncovered in the Kurtan I quarry (**Fig. 6, 7**), where the same Early Acheulian industry was found. The upper paleosoils of Kurtan I (layers 1–3 (**Fig. 7**)), judging by their palaeomagnetic parameters, were formed about 1.0–0.7 Ma. The lithic industry found there looks somewhat more developed than those of the above-mentioned sites and was attributed to the end of the Early Acheulian period and the beginning of the Middle Acheulian period. The artifacts from the upper paleosoil of Muradovo (layer 3 (**Fig. 5: B**)), which is an analogue of the upper paleosoils of Kurtan I, are similarly identified. The climate at the time became cooler and the afforested area increased.

2

3, 4

5
6, 7

7

5: B

The comparative analysis of the representative lithic collections from Karakhach, Muradovo and Kurtan I showed that all these assemblages of the Lori Basin belong to a single Acheulian industry (Belyaeva, 2022; Belyaeva, Shchelinsky, 2022). The most of the tools is made of slabby fragments of rhyolite and rhyodacite, and a considerable part of them have intentionally given geometrized shapes. There are both a variety of small implements (side scrapers, end scrapers, points, chisels, push-planes, denticulate, notched and combined tools) and a set of large tools (choppers, picks, handaxes, macro-scrapers, macro-chisels and macro-push-planes) characterizing the Acheulean period. Choppers, macro-scrapers and picks predominate. In addition to wide-spread pointed picks, there is a high proportion of chisel-ended picks. This industry, called the Karakhach industry, has its own set of specific types: sub-rectangular and fan-shaped choppers, house-shaped handaxes, bar-shaped chisels and push-planes, as well as large knives-hatchets (**Fig. 8**).

8

The reproduction of such types of tools for a very long time suggests that a local Early Acheulian tradition was formed and developed in the Lori Basin. In the upper paleosoils of Kurtan I and in layer 3 of Muradovo, the age of which corresponds to the beginning of the Middle Acheulean period, there are some changes in the set of the raw materials and loss of some types of tools, but in general the artifacts found there reflect the late stage of evolution of the Karakhach tradition (Belyaeva, 2022). In recent years, more than two dozen sites have been discovered in different parts of the Lori Basin and in the adjacent areas of the Shirak Basin and the Debed River valley, where artifacts typical of this tradition were found both in surface and stratified deposits.

6.

Курган I.

Общий вид на стену карьера и раскоп в пункте 2

Kurtan I.

General view of the quarry wall and excavation area in the point 2

7.

Курган I.

- А. Последовательность слоёв, исследованных при раскопках в пункте 2, с указанием абсолютных датировок.
- Б. Последовательность слоёв, исследованных при раскопках в пункте 3, с указанием абсолютных датировок

Kurtan I.

- А. Sequence of the layers studied during excavations in the point 2, with indicated absolute dates.
- Б. Sequence of the layers studied during excavations in the point 3, with indicated absolute dates

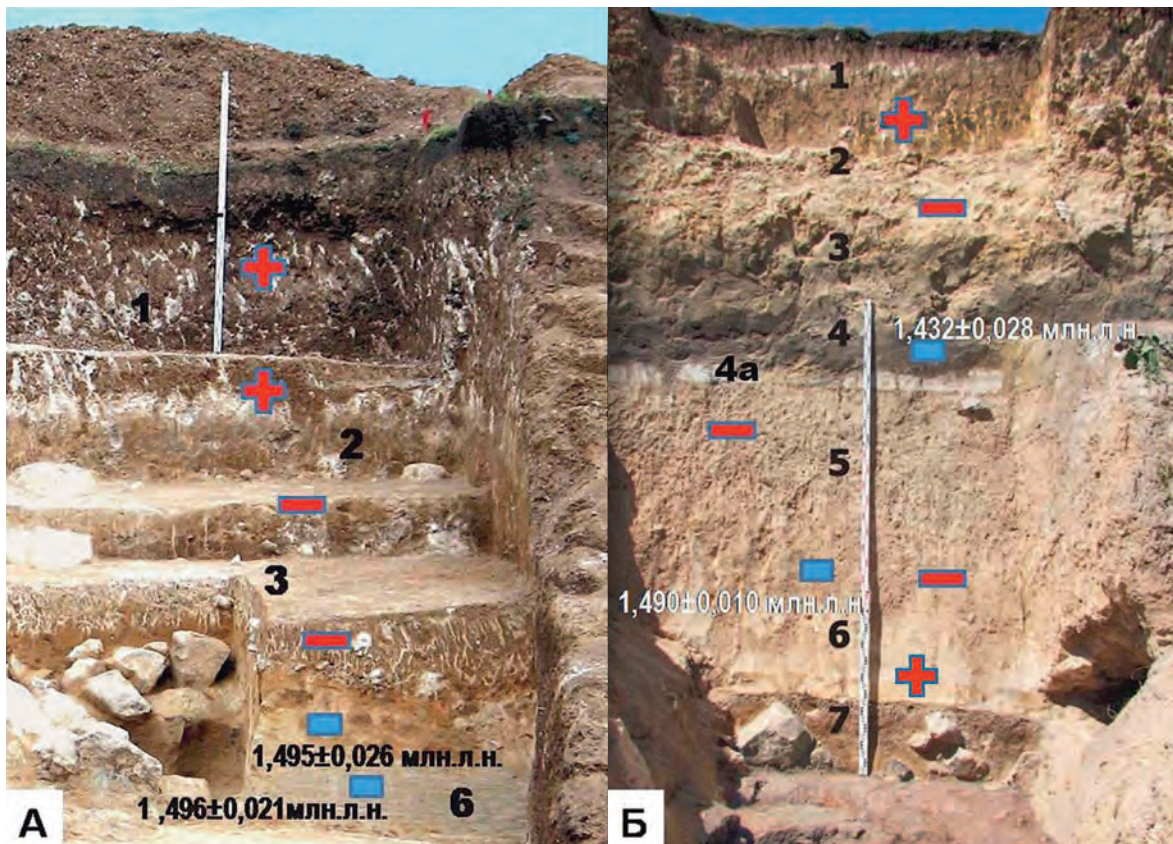
8.

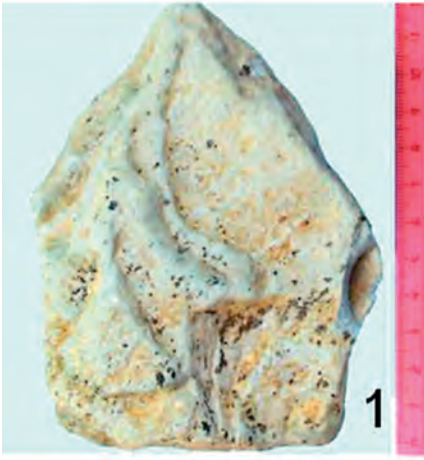
Образцы специфических типов макроорудий карахачской ранне-среднеашельской традиции:

- 1 – рубило в форме «домика»;
- 2 – подпрямоугольный чоппер;
- 3 – пик с долотовидным концом;
- 4 – макронож-«топорик»;
- 5 – пик с заострённым концом;
- 6 – брусковидное макродолото;
- 7, 8 – веерообразные чопперы

Samples of the specific types of macro-tools of the Karakhach Early-Middle Acheulean tradition:

- 1 – house-shaped handaxe;
- 2 – sub-rectangular chopper;
- 3 – chisel-ended pick;
- 4 – large knife-hatchet;
- 5 – pick with a pointed end;
- 6 – bar-shaped macro-chisel;
- 7, 8 – fan-shaped choppers

Благодаря работам Армяно-Российской экспедиции установлено, что первоначальное заселение ашельскими людьми Закавказского нагорья и Южного Кавказа в целом произошло более чем на миллион лет раньше, чем считалось прежде, на этапе раннего ашеля. Эти люди были носителями особой раннеашельской традиции, которая, как показало сравнение с близкими по возрасту раннепалеолитическими индустриями Ближнего Востока, не была принесена извне, а сформировалась в рассматриваемой области на основе использования в качестве сырья местных пород (Беляева, 2020). Столь раннее появление, а также длительное существование и довольно широкое распространение носителей этой ашельской традиции в регионе объясняется тем, что в то время в нём существовали очень благоприятные природные условия (низкий рельеф, субтропический климат, преобладание саванновых ландшафтов и обилие источников вулканического сырья (Trifonov et al., 2016)). Данный этап завершился вскоре после 1 млн лет назад в связи с ухудшением климата. Появление на Закавказском нагорье позднеашельских людей около 400 тыс. лет назад теперь можно рассматривать как второй этап его заселения (Беляева, 2022). В это время создатели позднеашельских индустрий распространились не только на Южном Кавказе, но и на севере Кавказского перешейка.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляева Е. В.** Раннеашельские индустрии Закавказского нагорья и сопредельных территорий Кавказа и Ближнего Востока // Раннепалеолитические памятники и природная среда Кавказа и сопредельных территорий в раннем – среднем плейстоцене / Е. В. Беляева, А. С. Тесаков (отв. ред.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. С. 41–64.
- Беляева Е. В.** Ашельские памятники Закавказского нагорья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. 276 с.
- Беляева Е. В., Любин В. П.** Ашельские памятники Северной Армении // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 37–52.
- Беляева Е. В., Любин В. П.** Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии) / Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова (отв. ред.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 18–26.
- Любин В. П.** Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 192 с.
- Belyaeva E. V., Shchelinsky V. E.** The birth of the Acheulian techno-complex in the Caucasus region // *L'Anthropologie*. 2022. Vol. 126. P. 02973.
- Trifonov V. G., Lyubin V. P., Belyaeva E. V., Lebedev V. A., Trikhunkov Ya. I., Tesakov A. S., Simakova A. N., Veselovsky R. V., Latyshev A. V., Presnyakov S. L., Ivanova T. P., Ozhereliev D. V., Bachmanov D. M., Lyapunov S. M.** Stratigraphic and tectonic settings of Early Paleolithic of North-West Armenia // *Quaternary International*. 2016. Vol. 420. P. 178–198.

OWING TO THE WORK OF THE ARMENIAN-RUSSIAN EXPEDITION, IT HAS BEEN ESTABLISHED THAT THE INITIAL OCCUPATION OF THE TRANSCAUCASIAN HIGHLANDS AND THE ENTIRE SOUTH CAUCASUS BY THE ACHEULIAN PEOPLE OCCURRED AT THE EARLY ACHEULEAN STAGE, MORE THAN A MILLION YEARS EARLIER THAN IT WAS PREVIOUSLY THOUGHT. THESE PEOPLE WERE THE BEARERS OF A PECULIAR EARLY ACHEULEAN TRADITION, WHICH, AS COMPARISON WITH SIMILAR IN AGE EARLY PALEOLITHIC INDUSTRIES OF THE MIDDLE EAST HAS SHOWN, WAS NOT BROUGHT FROM OUTSIDE, BUT FORMED IN THE AREA UNDER CONSIDERATION ON THE BASIS OF THE LOCAL VOLCANIC ROCKS (BELYAEVA, 2020). SUCH AN EARLY APPEARANCE, AS WELL AS THE LONG EXISTENCE AND RATHER WIDE SPREADING OF THE BEARERS OF THIS ACHEULEAN TRADITION IN THE REGION IS EXPLAINED BY THE FACT THAT AT THAT TIME THERE WERE FAVORABLE NATURAL CONDITIONS (LOW RELIEF, SUBTROPICAL CLIMATE, PREDOMINANCE OF SAVANNAH LANDSCAPES AND ABUNDANCE OF SOURCES OF VOLCANIC RAW MATERIALS (TRIFONOV ET AL., 2016). THIS STAGE ENDED SHORTLY AFTER 1 MA DUE TO CLIMATE DETERIORATION. THE ARRIVAL OF LATE ACHEULEAN PEOPLE ON THE TRANSCAUCASIAN PLATEAU ABOUT 400,000 YEARS AGO CAN NOW BE CONSIDERED AS THE SECOND STAGE OF THE SETTLEMENT PROCESS (BELYAEVA, 2022). AT THAT TIME, THE CREATORS OF LATE ACHEULIAN INDUSTRIES SPREAD BOTH IN THE SOUTH CAUCASUS AND IN THE NORTH OF THE CAUCASIAN ISTHMUS.

REFERENCES

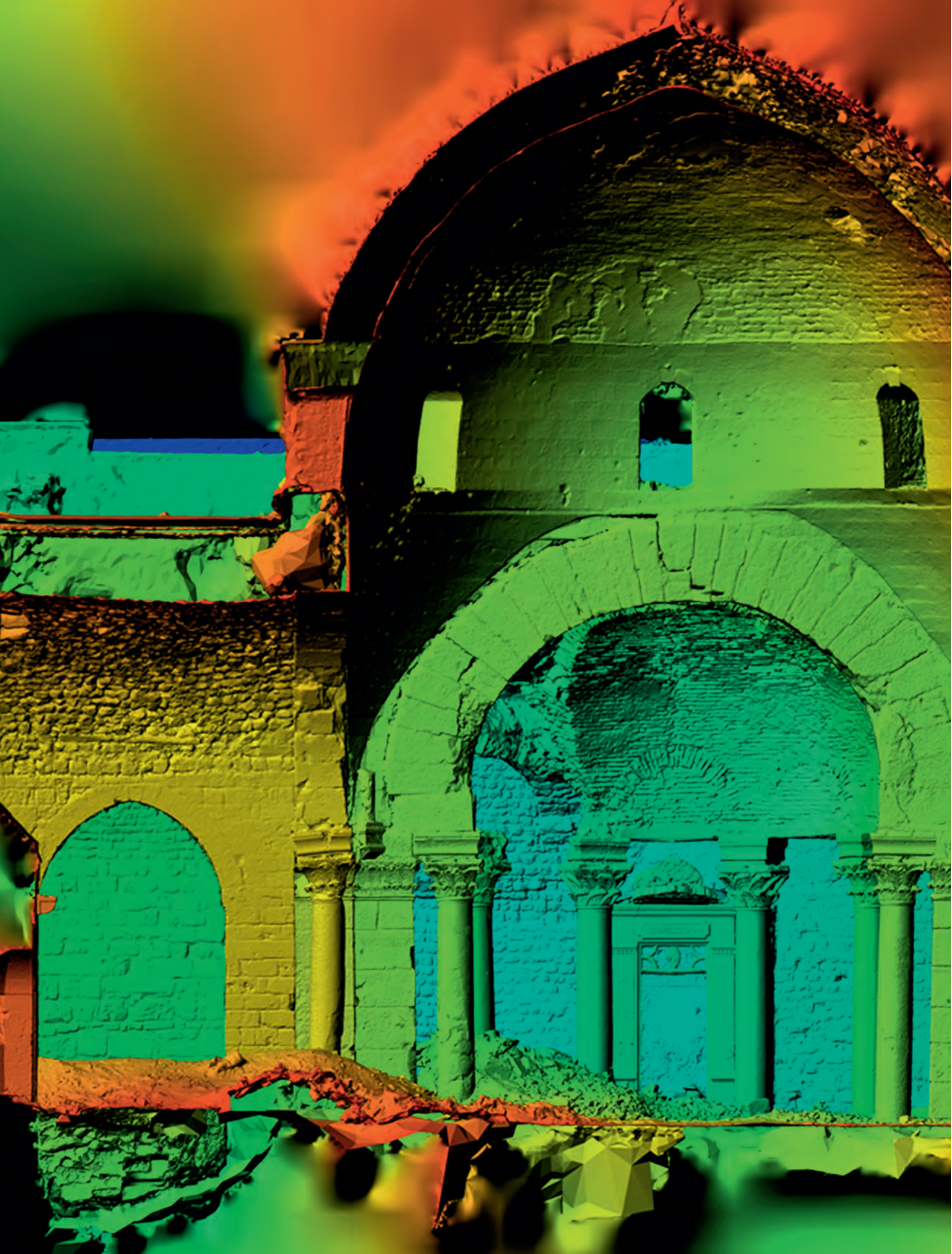
- Belyaeva E. V.** Ashel'skie pamjatniki Zakavkazskogo nagor'ja. SPb.: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ., 2022. 276 s. (in Russian).
- Belyaeva E. V.** Ranneashel'skie industrii Zakavkazskogo nagor'ja i sopredel'nyh territorij Kavkaza i Blizhnego Vostoka. In: Rannepaleoliticheskie pamjatniki i prirodnaia sreda Kavkaza i sopredel'nyh territorij v rannem – srednem plejstocene / E. V. Belyaeva, A. S. Tesakov (eds.). SPb.: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ., 2020. S. 41–64 (in Russian).
- Belyaeva E. V., Ljubin V. P.** Ashel'skie pamjatniki Severnoj Armenii. In: Fundamental'nye problemy arheologii, antropologii i jetnografii Evrazii: K 70-letiju akademika A. P. Derevjanko. Novosibirsk: "Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN" Publ., 2013. S. 37–52 (in Russian).
- Belyaeva E. V., Ljubin V. P.** Novye dannye o pervonachal'nom zaselenii Juzhnogo Kavkaza (Rezultaty rabot Armjano-Rossijskoj jekspedicii, 2003–2018 gg.). In: Proshloe chelovechestva v trudah peterburgskih arheologov na rubezhe tysjachetij (K 100-letiju sozdaniia rossijskoj akademicheskoi arheologii) / Ju. A. Vinogradov, S. A. Vasil'ev, K. N. Stepanova (eds.). SPb.: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ., 2019. S. 18–26 (in Russian).
- Belyaeva E. V., Shchelinsky V. E.** The birth of the Acheulian techno-complex in the Caucasus region // *L'Anthropologie*. 2022. Vol. 126. P. 02973.
- Ljubin V. P.** Ashel'skaja jepoha na Kavkaze. SPb.: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ., 1998. 192 s. (in Russian).
- Trifonov V. G., Lyubin V. P., Belyaeva E. V., Lebedev V. A., Trikhunkov Ya. I., Tesakov A. S., Simakova A. N., Veselovsky R. V., Latyshev A. V., Presnyakov S. L., Ivanova T. P., Ozhereliev D. V., Bachmanov D. M., Lyapunov S. M.** Stratigraphic and tectonic settings of Early Paleolithic of North-West Armenia // *Quaternary International*. 2016. Vol. 420. P. 178–198.

2024

165 лет
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

1859

Е. К. Блохин,
А. Ю. Виноградов,
Н. Ф. Соловьёва

**СПАСЕНИЕ
РАННЕХРИСТИАНСКИХ
ХРАМОВ
СИРИИ**

**RESCUE
DOCUMENTATION
OF EARLY
CHRISTIAN
CHURCHES
OF SYRIA**

Egor K.
Blokhin,
Andrey Yu.
Vinogradov,
Natalia F.
Solovieva

ВООРУЖЁННЫЙ КОНФЛИКТ В СИРИИ ПРИВЁЛ К МАССОВЫМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ НА ПАМЯТНИКИ, ЧТО АКТУАЛИЗИРОВАЛО РЯД НЕОТЛОЖНЫХ ВОПРОСОВ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, РЕШЕНИЕ КОТОРЫХ ТРЕБУЕТ ПРИНЯТИЯ СРОЧНЫХ МЕР И КОНСОЛИДАЦИИ УСИЛИЙ ВСЕГО МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА.

В 2021–2023 гг. коллектив учёных, объединённый в ИИМК РАН, разработал и предложил к реализации проекты по цифровизации ранневизантийского архитектурного наследия Сирии. Они предусматривали создание цифровых баз данных по важнейшим для истории архитектуры ранневизантийским христианским храмам. Такие базы, совмещённые с Веб-ГИС, позволят дистанционно проводить любые аналитические исследования (сравнительный анализ объектов и их элементов, обмеры, анализ объектов в структуре окружающего ландшафта, анализ положения элементов в структуре объекта и пр.) на современном технологическом уровне и с высокой степенью детализации и точности. Также эта работа создаёт надёжную основу для планирования любых дальнейших мероприятий по сохранению памятников, включая восстановительные работы, реставрацию, охрану и туризм.

В качестве объектов исследования были выбраны важнейшие для истории ранневизантийской архитектуры памятники Алеппо, Центральной Сирии и Южного Хаурана. География работ охватывает восемь городов и населённых пунктов, всего на настоящий момент снято 16 объектов (рис. 1). Хронологические рамки памятников укладываются в границы ранневизантийского периода (IV – первая половина VII в.). Основная масса объектов относится к V–VI вв. Съёмка объекта подразумевает создание высокдетальной трёхмерной модели, пригодной для проведения архитектурных обмеров непосредственно в виртуальной среде, создание ортофотопланов и обмерных чертежей на их основе, научную фотофиксацию памятников и новое архитектурно-археологическое описание сооружения.

THE ARMED CONFLICT IN SYRIA HAS LED TO MASSIVE ATTACKS ON MONUMENTS, WHICH HAS RAISED A NUMBER OF PRESSING ISSUES IN THE FIELD OF CULTURAL HERITAGE PRESERVATION THAT REQUIRE URGENT MEASURES AND THE CONSOLIDATION OF THE EFFORTS OF THE ENTIRE INTERNATIONAL CULTURAL COMMUNITY.

In 2021–2023, a team of scientists united in the IHMC RAS developed and proposed projects for the digitalization of the Early Byzantine architectural heritage of Syria. They envisaged the creation of digital databases on the early Byzantine Christian churches which are of ultimate importance for the history of architecture. Such databases, combined with web GIS, will enable any kind of online analytical research (comparative analysis of objects and their elements, measurements, analysis of objects in the structure of the surrounding landscape, analysis of the position of elements in the structure of the object, etc.) at a modern technological level and with a high degree of detail and accuracy. This work also creates a sound basis for planning any further monument conservation activities, including rehabilitation, restoration, conservation and tourism.

The research objects selected were the sites most important for the history of early Byzantine architecture in Aleppo, Central Syria and South Hauran. The geography of the work covers eight cities and towns, and a total of 16 sites have been documented so far (**Fig. 1**). The chronological frames of the sites fall within the boundaries of the Early Byzantine period (4th – first half of the 7th century). Most objects refer to the 5th – 6th centuries. The survey of the object implies the creation of a highly detailed 3D model suitable for architectural measurements directly in the virtual environment, the creation of orthophotomaps and measurement drawings on their basis, scientific photo-documentation of monuments and a new architectural and archaeological description of the structure.

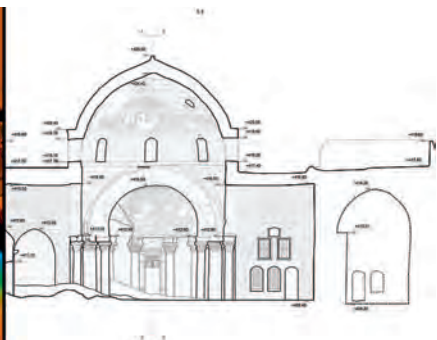
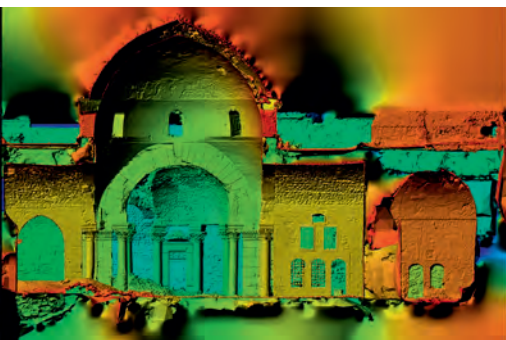
#1

1.
Карта Сирии с указанием обследованных памятников
 Map of Syria showing the surveyed monuments

2.
Интерьер медресе Халавийя.
 Этапы создания обмерных чертежей — вид модели в программе Agisoft Metashape, карта высот разреза, прорисовка разреза

Interior of Madrasa Halawiyah.
 Stages of creation of CAD drawings: view of the model in Agisoft Metashape software, DEM of the profile, drawing of the profile

3-1.

**Апамея:
церковь с атриумом**

Апамея: the Atrium Church

3-2.

**Апамея:
восточный собор**

Апамея: the Eastern Cathedral

3-3.

**Апамея:
церковь «Ротонда»**

Апамея: the Rotunda church

- № 2 **Алеппо. Медресе Халавия (рис. 2).** Комплекс разновременных построек в сердце старого Алеппо, первоначально – церковь Св. Елены в составе комплекса ранневизантийского собора конца V – начала VI в., в 1124–1150 гг. перестроенная в мечеть и духовное училище. По реконструкции М. Экошара, сохраняющиеся византийские структуры представляют собой остатки купольного тетраконха. Сохранилась западная часть постройки – конец шестиколонной экседры с равными расстояниями между колоннами. В ходе Гражданской войны попаданием снаряда частично разрушена западная конха и частично лишились кровли айюбидские помещения второго яруса, разграбленные мародёрами. Исчезло всё убранство мечети, включая уникальный резной деревянный михраб середины XII в. После разрушений в медресе начались грабительские раскопки, оставившие после себя две глубокие ямы глубиной более двух метров.
- № 3 **Апамея на Оронте (рис. 3).** Из источников известен ряд ныне не идентифицируемых церквей на территории города. Археологически открыты остатки трёх ранневизантийских построек.
- Восточный собор.* Реконструируется как колонный тетраконх с мощными столпами сложной формы и пристроенным с востока зальным храмиком. Согласно надписи, он был реставрирован архиепископом Павлом в 526–528 гг., а в 533 г. к нему был добавлен перистильный двор.
- Ротонда.* На перекрёстке главных улиц города при Юстиниане I была построена круглая церковь диаметром 25 м. Это была колонная ротонда со сложной конструкцией восточной части здания: к ротонде с востока присоединялся трансепт (в образовавшихся из-за этого «треугольниках» были устроены апсидки) с апсидой за ним и несколькими помещениями вокруг.
- Церковь с атриумом.* Сооружена в 50 м к югу от Ротонды в начале V в. Из-за того, что церковь была возведена на месте синагоги, она имеет необычную форму квадрата с двумя приделами. Пастофории по сторонам от вимы служили маврами: в них были найдены реликварии с мощами Свв. Космы, Дамиана, Феодора и других. В 573 г. храм был отремонтирован, а с середины VII в. превратился в христианское кладбище.
- № 4 **Дейр эс-Салиб (рис. 4).** Два монастырских комплекса неизвестного посвящения в районе г. Масияф. Храм А – чуть укороченная трёхнефная базилика с пятью парами колонн, соединённых арками, крайние из которых опирались с одной стороны на пилястры. Скучность рельефной декорации компенсировалась полихромным мозаичным полом из каменных тессер, покрывавшим всю площадь храма, кроме нартекса и атриума, вымощенных плитами известняка, из которого построен весь храм. Присутствие монументального семейного мавзолея и имён на мозаиках южного пастофория предполагает ктиторийский характер постройки. Наличие баптистерия, дополнительных помещений, синтрона и особенно необычных для Сирии хор указывает на значимость комплекса, возможно, связанного с почитанием какой-то святыни. Двери в восточных концах боковых нефов, смещение пастофориев в стороны, амвон на колонках и отсутствие повышения пола в алтаре могут указывать на влияние Константинополя.
- В непосредственной связи с каждым храмом фиксируются маслодавательные прессы, остатки хозяйственных построек и цистерн.
- № 5 **Каср ибн Вардан (рис. 5).** Монументальный комплекс византийских военно-административных построек в 62 км к северо-востоку от г. Хама, состоящий из храма, дворца и остатков казармы. Судя по монограммам на капителях храма, был резиденцией военного командира провинции Сирия II по имени Георгий. Согласно надписям, комплекс построен в конце правления императора Юстиниана I. Храм – предельно сокращённая версия «купольной базилики», увенчанной расположенным посередине наоса куполом с восьмиоконным и восьмигранным снаружи барабаном.

- Aleppo. Madrasa Halawiyah (Fig. 2).** A complex of multi-temporal buildings in the heart of old Aleppo, originally the Church of St. Helena, a part of the Early Byzantine cathedral complex of the late 5th and early 4th centuries, rebuilt into a mosque and a religious school in 1124–1150. According to the reconstruction by M. Ecochard, the preserved Byzantine structures are the remains of a domed tetraconchal church. The western part of the building – the end of a six-column exedra with equal distances between the columns – has survived. # 2
- During the Civil War, a shell hit partially destroyed the western conch and partially the roof of the Ayyubid rooms of the upper level which were looted by marauders. The entire decoration of the mosque, including a unique carved wooden mihrab of the mid-XII century, disappeared. After the destruction, the madrasa was subject to looting excavations leaving behind two deep pits more than 2 meters deep.
- Apamea on the Orontes (Fig. 3).** A number of unidentifiable churches on the territory of the city are known from written sources. The remains of three early Byzantine buildings have been discovered archaeologically. # 3
- Eastern Cathedral.* It is reconstructed as a columned tetraconch with heavy pillars of a complex shape and a small hall church attached from the east. According to the inscription, it was restored by Archbishop Paul in 526–528, and a peristyle courtyard was added in 533.
- Rotunda.* At the crossroads of the main streets of the city, a round church with a diameter of 25 meters was built under Justinian I. It was a columned rotunda with a complex construction of the eastern part of the building: from the east the rotunda was joined by a transept (small apses were arranged in the resulting “triangles”) with an apse behind it and several rooms around it.
- Church with atrium.* It was built 50 meters south of the Rotunda in the early 5th century. Since the church was built on the site of a synagogue, it has an unusual square shape with two chapels. The pastophoria on the sides of the bema served as martyria: reliquaries with relics of St. Cosmas, St. Damian, St. Theodore and others were found in them. In 573 the church was repaired, and from the middle of the 7th century it turned into a Christian cemetery.
- Deir es Salib (Fig. 4).** Two monastic complexes of unknown dedication in the area of Masyaf. Church A is a slightly shortened three-aisled basilica with five pairs of columns connected by arches, the outermost of them resting on pilasters on one side. The paucity of the relief decoration was compensated by a polychrome mosaic floor of stone tesserae covering the entire area of the church, except for the narthex and atrium paved with slabs of limestone, of which the entire church was built. The presence of the monumental family mausoleum and the names on the mosaics in the southern pastophorium suggest some founders activity. The presence of a baptistery, additional rooms, a synthronos and a choir, especially unusual for Syria, point to the importance of the complex, possibly related with the veneration of a shrine. The doors at the eastern ends of the side aisles, the displacement of the pastophoria to the sides, the ambo on the columns and the absence of a raised floor in the sanctuary may indicate the influence of Constantinople. # 4
- Directly related to each church are oil presses, remains of outbuildings and cisterns.
- Qasr Ibn Wardan (Fig. 5).** A monumental complex of Byzantine military and administrative buildings 62 km north-east of Hama, consisting of a church, a palace and the remains of a barrack. Judging by the monograms on the church capitals, it was the residence of a military commander of the province of Syria II named George. According to the inscriptions, the complex was built at the end of the reign of Emperor Justinian I and under Justin II. The church is an extremely shortened version of the “domed basilica” crowned with a dome in the middle of the naos with an eight-window and an externally octagonal drum. # 5

4-1.

Дейр эс-Салиб. Храм Б

Deir el Salib. Church B

4-2.

**Дейр эс-Салиб. Храм А.
Вид с юга**

Deir el Salib. Church A.
View from the south

4-3.

Дейр эс-Салиб. Храм А

Deir el Salib. Church A

5-1.

**Каср-ибн-Вардан.
Вид с юго-востока**

Qasr Ibn Wardan: church.
View from the southeast

5-2.

**Каср-ибн-Вардан.
Общий вид комплекса.
Аэрофотоснимок**

Qasr Ibn Wardan:
general view of the complex.
Aerial photograph

5-3.

**Каср-ибн-Вардан.
Вид храма с юго-востока**

Qasr Ibn Wardan.
View of the church
from the southeast

7.

Шакра. Мартирий:

а – аэрофотоснимок,
вид с северо-запада;

б – западный фасад

Shakra. Martyrium:

а – an aerial photograph,
view from the northwest;

б – western façade

8.

Шакра:

а – мавзолей;

б – базилика Св. Романа

Shakra:

а – mausoleum;

б – basilica of St. Roman

6.

Буркуш:

а – базилика, вид с юго-запада,
на заднем плане виден малый
храм с апсидой;

б – базилика,
вид с северо-запада

Burqush:

а – basilica,
view from the southwest,
a small temple with an apse can
be seen in the background;

б – basilica,
view from the northwest

№ 6

Буркуш (рис. 6). Комплекс римских и византийских построек к западу от Дамаска, в 4 км от границы с Ливаном. Ранневизантийская постройка представляет собой большую базилику, перестроенную на основе римского храма с мощными субструкциями, к которому примыкают вероятные монастырские постройки, расположенный в отдалении хозяйственный комплекс с маслодавильней и участок кладбища с остатками саркофага. По типу резьбы капителей церковь датируется VI в. и представляет собой редкий эксперимент в области типологии опор, спровоцированный, возможно, остатками античного храма, на чьём месте она стоит.

№ 7, 8

ХРАМЫ ЮЖНОГО ХАУРАНА

Шакра (рис. 7, 8). Древнее селение в 75 км к югу от Дамаска, здесь сохранились две ранневизантийские церкви. Одна – наиболее крупная из них, центрический храм типа вписанного креста с изолированными угловыми ячейками (вероятно, мавзолеев), близкая церкви Св. Илии в соседней Эзре. Постройка относится к первой половине – середине VI в. Вторая – базилика Св. Романа – укороченная базилика с парой колонн с упрощёнными капителями, поддерживающими плоский архитрав из плит, апсидой, вписанной в прямоугольный абрис здания, и двумя двухъярусными (как и в мавзолее) пастофориями, очевидно, является частной церковью. По надписи над входом датируется 340–490 гг.

№ 9

Эзра (рис. 9). Здесь сохраняются два христианских храма ранневизантийского времени. Церковь Св. Георгия – старейший действующий храм Сирии, возведён в 515 г. (согласно надписи над западной дверью). Представляет собой вписанный в квадрат октагон, где внутренний восьмиугольник образован восемью Г-образными столпами, на которых покоятся подпружные арки и купол, а внешний состоит из стен, прорезанных в четырёх углах апсидами с арками и конхами. С востока к этому ядру примыкают вима с трёхгранной снаружи апсидой и два прямоугольных двухъярусных пастофория с плоскими перекрытиями и лестницей внутри. Церковь Св. Илии построена в 542–543 гг. В настоящее время имеет форму креста с удлинённым западным рукавом и двумя двухъярусными помещениями по сторонам от него.

Храмы Эзры имеют важное значение для реконструкции истории центрических зданий в ранней Византии. Они свидетельствуют о победе архитектурного типа купольного храма в VI в. Одновременно они указывают на творческий поиск, идущий в византийской архитектуре этого времени, – на попытки соединения октагона с квадратом в церкви Св. Георгия (как в соседней Босре) и на искания в плане крестовокупольного храма (церковь Св. Илии), где Сирия сыграла важнейшую роль.

№ 10

Босра (рис. 10). Античный и византийский город на юге Сирии, столица римской провинции Аравии и центр митрополии. Босра принадлежала Набатейскому царству, пока в 106 г. н. э. не была аннексирована Римом и не стала местом расположения III Киренского легиона. От византийского периода сохранились в настоящее время только две церкви. Огромный центрический собор в V в. был перестроен из языческого храма набатейского периода. Купол или шатёр собора диаметром около 30 м был, очевидно, деревянным и опирался на кольцо вторично использованных колонн. Собор был украшен резными деталями из местного базальта.

В 513 г. был построен храм Свв. Сергия, Вакха и Леонтия. Представляет собой творчески переосмысленный колонный тетраконх: четырёхлепестковая колоннада с Г-образными столпами была вписана в круг, который, в свою очередь, был помещён внутри квадрата, из-за чего стены храма оказались прорезаны внутри и снаружи многочисленными апсидами и полукруглыми нишами.

Burqush (Fig. 6). A complex of Roman and Byzantine buildings west of Damascus, 4 km from the Lebanese border. The early Byzantine structure is a large basilica rebuilt on the basis of a Roman church with heavy substructures, adjoined by probable monastic buildings and a distant farm complex with an oil press and a cemetery with sarcophagus remains. Based on the type of the capitals carving, the church dates from the 6th century and represents a rare experiment in the typology of pillars, possibly provoked by the remains of the ancient temple on the place of which it now stands. #6

CHURCHES OF SOUTH HAURAN

Shakra (Fig. 7, 8). An ancient village 75 km south of Damascus; two early Byzantine churches have survived here. One is the largest of them, a centric church of the inscribed cross type with isolated corner cells, (probably a martyrium) close to the church of St. Elijah in neighbouring Ezra. The second one, the Basilica of St. Roman, a shortened basilica with a pair of columns with simplified capitals supporting a flat architrave of slabs, an apse inscribed in the rectangular outline of the building, and two two-tiered (as in the martyrium) pastophoria, is obviously a private church. According to the inscription above the entrance it dates from 340–490. #7, 8

Ezra (Fig. 9). There are two surviving Christian churches from the early Byzantine period. The Church of St. George is the oldest functional church in Syria, erected in 515 (according to the inscription above the western door). It represents an octagon inscribed in a square, where the inner octagon is formed by eight L-shaped pillars supporting the arch walls and the dome, and the outer octagon consists of walls cut by apses with arches and conchs in four corners. Adjoining this core from the east are a sanctuary with a triangular apse on the outside and two rectangular two-tiered pastophoriums with flat ceilings and a staircase inside. The church of St. Elias was built in 542–543. Nowadays it has the shape of a cross with an elongated western arm and two two-tiered rooms on its sides. #9

The churches of Ezra are important for the reconstruction of the history of centric buildings in the Early Byzantine Empire. They testify to the victory of the architectural type of the domed church in the 6th century. At the same time, they indicate the creative search going on in Byzantine architecture of this time: attempts to combine the octagon with the square in the church of St. George (as in the neighbouring Bosra) and searches in the plan of the cross-domed church (the church of St. Elias), where Syria played a crucial role.

Bosra (Fig. 10). An ancient and Byzantine city in southern Syria, capital of the Roman province of Arabia and center of the metropolis. Bosra belonged to the Nabataean kingdom until it was annexed by Rome in 106 AD and became the seat of the III Cyrenaica Legion. From the Byzantine period, only two churches have survived today. The huge centric cathedral was rebuilt in the 5th century from a pagan temple of the Nabataean period. The dome or tent of the cathedral, about 30 meters in diameter, was apparently of wood and rested on a ring of reused columns. The cathedral was decorated with carved details made of local basalt. #10

In 513 the church of St. Sergius, Bacchus and Leontius was built. It is a creatively re-thought columned tetraconch: a quaterfoliated colonnade with L-shaped pillars was inscribed in a circle, which, in turn, was placed inside a square, due to which the walls of the church were cut inside and outside by numerous apses and semicircular niches.

9-1.

Эзра:
церковь Св. Ильи,
аэрофотоснимок
с северо-востока

Ezra:
church of St. Elias,
an aerial photograph
from the northeast

9-2.

Эзра.
Вид храма с юго-запада

Ezra.
View of the church
from the southwest

9-3.

Эзра:
церковь Св. Георгия,
аэрофотоснимок с юго-востока

Ezra:
church of St. George,
an aerial photograph
from the southeast

В ХОДЕ ТРЁХ ЭКСПЕДИЦИЙ БЫЛИ ПРОВЕДЕНЫ РАБОТЫ НА 16 АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТАХ В ВОСЬМИ ОПИСАННЫХ ВЫШЕ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТАХ. ДЛЯ КАЖДОГО ОБЪЕКТА СНЯТЫ ДЕТАЛЬНЫЕ ГЕОПРИВЯЗАННЫЕ ТРЁХМЕРНЫЕ МОДЕЛИ, В 2024 Г. БУДЕТ ЗАКОНЧЕНА РАБОТА ПО ИХ ОБРАБОТКЕ, ВЫЧЕРЧИВАНИЮ ОБМЕРНЫХ ЧЕРТЕЖЕЙ И СОЗДАНИЮ НОВЫХ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ ПАМЯТНИКОВ, КОТОРЫЕ, КАК ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, ВНЕСУТ ВАЖНЫЙ НОВЫЙ ВКЛАД В ИСТОРИЮ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕХРИСТИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ВОСТОКА.

10-1.

Босра:
церковь Свв. Сергия, Леонтия
и Вакха.

Аэрофотоснимок с запада

Bosra:
church of St. Sergius, Leontius
and Bacchus.
From the west

10-2.

Босра:
«Новый собор».

Аэрофотоснимок с юга

Bosra:
“New Cathedral”.
An aerial photograph from the south

DURING THE THREE EXPEDITIONS, WORK WAS CARRIED OUT ON 16 ARCHITECTURAL SITES IN THE EIGHT SETTLEMENTS DESCRIBED ABOVE. DETAILED GEO-REFERENCED THREE-DIMENSIONAL MODELS WERE TAKEN FOR EACH SITE, AND IN 2024 THE WORK ON THEIR PROCESSING, DRAWING OF MEASUREMENT DRAWINGS AND CREATION OF NEW ARCHITECTURAL AND ARCHAEOLOGICAL DESCRIPTIONS OF THE MONUMENTS WILL BE COMPLETED, WHICH, AS IT SEEMS, WILL MAKE AN IMPORTANT NEW CONTRIBUTION TO THE HISTORY OF THE STUDY OF EARLY CHRISTIAN ARCHITECTURE OF THE ORIENT.

RESCUE DOCUMENTATION OF EARLY CHRISTIAN CHURCHES OF SYRIA

Egor K. Blokhin, Andrey Yu. Vinogradov, Natalia F. Solovieva

2024

165 лет
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

1859

Д. Д. Ёлшин,
К. А. Михайлов

ИЗУЧЕНИЕ
ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
И ЛЕНИНГРАДСКАЯ ШКОЛА
АРХИТЕКТУРНОЙ АРХЕОЛОГИИ
RESEARCH OF OLD RUSSIAN
ARCHITECTURE
IN THE SOVIET PERIOD
AND LENINGRAD SCHOOL
OF ARCHITECTURAL ARCHAEOLOGY

Denis D.
Jolshin,
Kirill A.
Mikhailov

1.

Новгород.
Георгиевский собор
Юрьева монастыря
в процессе реставрации
под руководством
М. К. Каргера. 1934 г.
ФО НА ИИМК РАН.
Отт. О. 1084/3

St George's Church
of the Yuryev Monastery
in the process of restoration under
the direction of Mikhail Karger.
1934.

Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Print O. 1084/3

НА ПЕРВЫХ ПОРАХ НОВОЕ СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО НЕ ПРОТИВОДЕЙСТВОВАЛО РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ, ВЫПОЛНЯВШЕЙ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ. Вместе с тем многие бывшие функции ИАК постепенно перешли от РАИМК к вновь созданным государственным реставрационным мастерским. В 1920-е гг. в Разряде древнерусского зодчества ГАИМК под руководством К. К. Романова, бывшего сотрудника ИАК, методика изучения архитектурного наследия заключалась в регистрации, обмерах и натурных обследованиях памятников. В 1929–1931 гг., после национализации культовых сооружений в СССР, ГАИМК было поручено производить учёт памятников и готовить охранную документацию.

В конце 1920-х гг. на короткий период во власти и обществе вовсе возобладало нигилистическое отношение к наследию средневековой Руси. Антицерковная политика советских властей привела к тяжёлому состоянию многих архитектурных памятников, их бездумной перестройке и приспособлению, а в целом ряде случаев и уничтожению.

At FIRST, THE NEW SOVIET STATE DID NOT RESIST THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL COMMISSION WHICH CARRIED OUT NUMEROUS ACTIVITIES FOR THE PROTECTION OF ARCHITECTURAL MONUMENTS. At the same time, many former functions of the IAC were gradually transferred from the Russian Academy for the History of Material Culture to the newly established state restoration workshops. In the 1920-s the methods of studying architectural heritage in the Department of Old Russian Architecture of the State Academy for the History of Material Culture under the direction of Konstantin Romanov, a former employee of the IAC, involved registration, measurements and field surveys of monuments. In 1929–1931, after the nationalization of religious buildings in the USSR, the SAHMC was assigned the registration of monuments and preparation of protection documentation.

2.
Боголюбово.
Киворий.
Раскопки Н. Н. Воронина.
1938 г.
ФО НА ИИМК РАН. Neg. I 24676

Phiale and civorium
of the Bogolyubovsky castle-
palace.
Excavations by Nikolay Voronin.
1938.
*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Neg. I 24676*

3.
Киев.
Десятинная церковь.
Раскопки М. К. Каргера. 1939 г.
ФО НА ИИМК РАН.
Отт. О. 3313 / 41

Church of the Tithe in Kiev.
Excavations by Mikhail Karger.
1939.
*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Print O. 3313/41*

4.
Переяслав-Хмельницький.
«Воскресенская» церковь.
Раскопки М. К. Каргера. 1953 г.
ФО НА ИИМК РАН. Neg. 1 80759

Resurrection Church
in Pereyaslavl-Khmel'nitsky.
Excavations by Mikhail Karger.
1953.
*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Neg. 1 80759*

5.
Владимир-Волынский.
Михайловская ротонда.
Раскопки М. К. Каргера. 1956 г.
ФО НА ИИМК РАН. Neg. I 81192

St Michael's Rotunda
in Vladimir-Volynsky.
Excavations by Mikhail Karger.
1956.
*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Neg. I 81192*

6.
Полоцк.
Храм-усыпальница
Спас-Евфросиниевского
монастыря.
Раскопки М. К. Каргера. 1964 г.
ФО НА ИИМК РАН. Neg. I 81055

Burial church of St. Eufrosyne
Monastery in Polotsk.
Excavations by Mikhail Karger.
1964.
*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Neg. I 81055*

7.
Смоленск.
Борисоглебский собор
на Смядьни.
Раскопки Н. Н. Воронина,
П. А. Раппопорта. 1974 г.
ФО НА ИИМК РАН.
Neg. Л. 5524 / 3

Sts Boris and Gleb Church
in Smolensk.
Excavations by Nikolay Voronin,
Pavel Rappoport. 1974.
*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Neg. Sh. 5524/3*

Деятельность ГАИМК по изучению архитектуры была полностью свёрнута. Но уже в 1930-е гг. научные исследования вновь стали востребованными. Молодые сотрудники ГАИМК, ученики К. К. Романова – Н. Н. Воронин и М. К. Каргер – взяли в свои руки изучение древнерусской архитектуры. На рубеже 1920-х–1930-х гг. в Академии произошла насильственная ротация научных поколений, когда на смену до-революционным специалистам пришло поколение историков-марксистов. Несмотря на идеологические разногласия между ними, время показало, что произошла передача научного опыта от реставрационного отделения ИАК, корифеями которого были В. В. Суслов, Г. И. Котов и П. П. Покрышкин.

М. К. Каргер в 1933–1934 гг. взял на себя руководство реставрацией и раскопками в Георгиевском соборе XII в. в Юрьеве монастыре в Новгороде, а в 1938–1940 провёл масштабные раскопки древнейших памятников монументальной архитектуры Древней Руси X–XI вв. – Десятинной церкви и Софийского собора в Киеве, продолжая их исследование, начатое ИАК в 1900-х гг. Н. Н. Воронин в 1934–1939 гг. предпринял исследования уникального комплекса белокаменного замка XII в., возведённого Андреем Боголюбским, и памятников во Владимире, Ярославле, Переславле-Залесском. Так уже до начала войны оба учёных снискали себе славу передовых исследователей древнерусской архитектуры.

Великая Отечественная война нанесла огромный урон отечественному культурному наследию. В то же время политика послевоенного патриотического возрождения поставила изучение средневековой архитектуры Руси на государственный уровень важности и способствовала финансированию крупных археологических экспедиций в древнерусских городах.

В 1950–1960-х гг. М. К. Каргер провёл масштабные полевые исследования на территории бывших южных и западных древнерусских княжеств: в Киеве, Переяславле Южном, Владимире-Вольнском, Галиче, Полоцке, Новогрудке, Турове, Волковыске; Н. Н. Воронин – в Гродно, Старице, Владимире, Ростове, Смоленске. Особенностью научного подхода ИИМК АН СССР (бывшего ГАИМК) стало подчёркнутое обращение к изучению материальной культуры с целью исторического познания. В планировании исследований в послевоенные годы особый упор был сделан на поиск и открытие ранее неизвестных или не изученных археологизированных руин памятников архитектуры – и таковых были открыты десятки. При исследовании древнерусских монументальных построек из кирпича и камня – главным образом храмов – внимание оказалось сконцентрировано на сугубо материальной стороне памятников: типологическом определении, характеристиках архитектурных форм и строительно-технических особенностях. Наконец, памятники изучались не изолированно, а с чёткой целью определения исторического пути развития архитектуры. Послевоенная археологическая деятельность М. К. Каргера и Н. Н. Воронина переломила ситуацию, когда история древнерусской архитектуры представляла собой описание нескольких сохранившихся памятников. Скрупулёзный археологический подход в изучении форм и технологий дал богатые плоды: были обоснованы и стали отчётливо видны региональные и хронологические различия памятников. Новое понимание картины домонгольского зодчества позволило уверенно заявить о локальных архитектурных школах, проследить их развитие и взаимосвязи, разработать системное видение древнерусской архитектуры домонгольского периода. Вышедшие в 1961 г. монументальные монографии «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.» (Н. Н. Воронин) и второй том «Древнего Киева» (М. К. Каргер) остаются и по сей день хрестоматийными: результаты исследований памятников сопровождаются широким обобщением и анализом развития архитектуры в определённые исторические периоды, демонстрируя добросовестный подход к археологическому материалу и новые методы исследований учёных послевоенного периода.

In the late 1920-s, for a brief period, a nihilistic attitude towards the heritage of medieval Russia prevailed in the authorities and society. The anti-church policy of the Soviet authorities led to the poor condition of many architectural monuments, their thoughtless reconstruction and adaptation, and in a number of cases, their destruction.

The activities of the SAHMC for the study of architecture were completely curtailed. But already in the 1930-s, scientific research became in demand again. Young employees of the SAHMC, Nikolay Voronin and Mikhail Karger, pupils of Konstantin Romanov, took over the study of Old Russian architecture. At the turn of the 1920-s–1930-s, the Academy underwent a forced rotation of scientific generations, when pre-revolutionary specialists were replaced by a generation of Marxist historians. Despite the ideological differences between them, time has shown that there was a transfer of scientific experience from the restoration department of the IAC.

In 1933–1934 Mikhail Karger took charge of the restoration and excavations of the 12th century St. George's Cathedral in the Yuryev Monastery in Novgorod, and in 1938–1940 carried out large-scale excavations of the oldest monuments of monumental architecture of Old Russia of the X–XI centuries: the Church of the Tithe and the Cathedral of St. Sophia in Kiev, continuing the research started by the IAC in the 1900-s. In 1934–1939, Nikolay Voronin undertook studies of the unique complex of the white-stone castle of the XII century, built by Andrei Bogolyubsky, and monuments in Vladimir, Yaroslavl, Pereslavl-Zalessky. Thus, already before the beginning of the war, both scientists gained fame as advanced researchers of Old Russian architecture.

The Great Patriotic War caused enormous damage to the national cultural heritage. At the same time, the policy of the post-war patriotic revival put the study of medieval architecture of Russia on the state level of importance and contributed to the funding of major archaeological expeditions in Old Russian cities.

In the 1950-s–1960-s, Mikhail Karger conducted large-scale field research in the territory of the former southern and western Old Russian principalities: in Kiev, Pereyaslavl Yuzhny, Vladimir-Volynsky, Galich, Polotsk, Novogradok, Turov, Volkovysk; Nikolay Voronin – in Grodno, Staritsa, Vladimir, Rostov, Smolensk. The specific feature of the scientific approach of the IHMC of the USSR Academy of Sciences (former SAHMC) was the pointed appeal to the study of material culture with a view to historical cognition. In planning the research in the post-war years, special emphasis was placed on the search for and discovery of previously unknown or unexplored archaeological ruins of architectural monuments, and dozens of them were discovered. The study of Old Russian monumental buildings made of brick and stone, churches mainly, focused on the purely material side of the monuments: typological definition, characteristics of architectural forms and construction and technical features. Finally, the monuments were studied not in isolation, but with the clear aim of determining the historical path of architectural development. The post-war archaeological activities of Mikhail Karger and Nikolay Voronin reversed the momentum when the history of Old Russian architecture was a description of a few surviving monuments. The scrupulous archaeological approach to the study of the forms and technologies yielded rich results: regional and chronological differences of monuments were substantiated and became clearly visible. The new understanding of the picture of pre-Mongolian architecture made it possible to confidently declare local architectural schools, trace their development and interrelations, and develop a systematic vision of Old Russian architecture of the pre-Mongolian period. The monumental monographs "Architecture of Northeast Russia of the XII–XV centuries" (N. N. Voronin) and the second volume of "Ancient Kiev" (M. K. Karger) published in 1961 are still true handbooks: the materials of research of the monuments are accompanied by a broad generalization and analysis of the development of architecture in certain historical periods, demonstrating a conscientious approach to the archaeological material and new methods of research by scientists of the post-war period.

8.

Новогрудок.

Церковь на детинце.

Раскопки М. В. Малевской.

1973 г.

ФО НА ИИМК РАН. Neg. I 84664

Church in the castle
in Novogrudok.

Excavations by Marianna
Malevskaya. 1973.

*Photo Collection of the SA
of the IHMC RAS. Neg. I 84664*

9.
Луцк.
Церковь Иоанна Богослова
в замке.
Раскопки М. В. Малевской.
1986 г.
Личный архив М. В. Малевской

Church of St. John the Theologian
in the castle in Lutsk.
Excavations by Marianna
Malevskaia. 1986.
*Private archive
of Marianna V. Malevskaia*

Разработанный метод исследования получил наименование «архитектурно-археологического» и подразумевает не просто археологическое исследование руин архитектурного сооружения, но его междисциплинарный характер, комплексное изучение архитектурного объекта и культурного слоя. Изучение руинированных кладок и их тщательная фиксация требовали специального опыта анализа и обмеров архитектуры. В 1940–1950-х гг. в экспедициях М. К. Каргера принимали активное участие сложившиеся специалисты с архитектурным и историко-архитектурным образованием – сотрудники ЛОИА П. А. Раппопорт и М. В. Малевская. Позже, следуя архитектурно-археологическому подходу, с 1960-х гг. они проводили собственные исследования многочисленных памятников монументального зодчества в Смоленске, Полоцке, Новогрудке, Владимире-Волынском, Луцке, Львове, Новгороде, Старой Ладогe и др. В своих трудах П. А. Раппопорт сформулировал новую концепцию строительных артелей (мобильных групп средневековых мастеров-строителей во главе с архитектором), позволявшую объяснить механизм развития древнерусского зодчества, взаимодействия традиций локальных архитектурных школ древнерусских княжеств. Важнейшей вехой и подведением итогов деятельности ленинградской школы архитектурной археологии стали опубликованные П. А. Раппопортом каталог памятников «Русская архитектура X–XIII вв.» (1982) и схема перемещения строительных артелей в домонгольское время (1993).

Усилиями советских учёных история древнерусской архитектуры была выведена на совершенно новый уровень, а отточенный архитектурно-археологический метод был воспринят целой школой исследователей, продолжающих и сегодня изучение драгоценного наследия средневековой архитектуры.

The developed research method was called “architectural-archaeological”, implying not just a study of the ruins of an architectural structure with archaeological methods, but its interdisciplinary nature, a comprehensive study of the architectural object and the cultural layer. The study of ruined masonry and its careful fixation required special expertise in analyzing and measuring the architecture. In the 1940-s–1950-s, an active part in Mikhail Karger’s expeditions was taken by established specialists with architectural and historical-architectural education: Pavel Rappoport and Marianna Malevskaya, staff members of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology. Later, following the architectural and archaeological approach, from the 1960-s they conducted their own research of numerous monuments of monumental architecture in Smolensk, Polotsk, Novogradok, Vladimir-Volynsky, Lutsk, Lvov, Novgorod, Staraya Ladoga, etc. In his works, Pavel Rappoport formulated a new concept of builders’ bands (mobile groups of medieval master builders headed by an architect), which made it possible to explain the mechanism of development of Old Russian architecture and the interaction of traditions of local architectural schools of the Old Russian principalities. The most important milestone and summing up the results of the activities of the Leningrad school of architectural archaeology were, published by Pavel Rappoport, the catalogue of monuments “Russian Architecture of the X–XIII centuries” (1982) and the chart of the movement of builders’ bands in pre-Mongolian time (1993).

THROUGH THE EFFORTS OF SOVIET SCHOLARS, THE HISTORY OF OLD RUSSIAN ARCHITECTURE WAS BROUGHT TO A COMPLETELY NEW LEVEL, AND THE REFINED ARCHITECTURAL AND ARCHAEOLOGICAL METHOD WAS ADOPTED BY A WHOLE SCHOOL OF RESEARCHERS WHO CONTINUE STUDYING THE PRECIOUS HERITAGE OF MEDIEVAL ARCHITECTURE TODAY.

2024

165 лет
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

1859

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БПЛА	беспилотный летательный аппарат
ВДИ	.Вестник древней истории
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
Д.	Дело
ДГАМ	Департамент древностей и музеев Сирии
Л.	Лист
МАР	Материалы по археологии России
МАРХИ	Московский архитектурный институт
ОАН	объект археологического наследия
Оп.	Опись
Отп.	отпечаток
Р.	разряд
РГО	Русское географическое общество
САР	Сирийская Арабская Республика
Ф.	фонд
ЦСА	Центр спасательной археологии

LIST OF ABBREVIATIONS

AHS	archaeological heritage site
BAH	Bulletin of Ancient History
Cl.	classification
DAMS	Department of Antiquities and Museums of Syria
F.	file
Inv.	inventory
MAI	Moscow Architectural Institute
MAR	Materials on Archaeology of Russia
MD	manuscript department
RAC	Rescue Archaeology Center
RGS	Russian Geographical Society
SA	scientific archive
SAHMC	State Academy for the History of Material Culture
SAR	Syrian Arab Republic
Sh.	sheet
UAV	unmanned aerial vehicle

Художественное оформление и верстка
С. Д. Минаев

Обработка иллюстраций
А. Н. Силантьев

Модуль расстановки переносов
И. В. Багов

Перевод
ООО «Син»

Подписано в печать 25.01.2024.
Формат 60×90 1/8. Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. печ. л.
16. Тираж 300 экз. Заказ 976
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
192029, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134
Тел. +7 (981) 699–6595
E-mail: 9450922@gmail.com

Цена свободная

ISBN 978-5-6050962-1-4

9 785605 096214 >

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ